

когда я послѣдній разъ слышалъ музыку. Это было въ фламандской фермѣ, гдѣ молодой лейтенантъ, немножко подъ хмѣлькомъ, пѣлъ любовную пѣсню среди своихъ товарищей, тогда какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него снаряды калѣчили и убивали людей.

Звуки музыки постепенно замерли. Кто-то внезапно спросилъ: „Что это такое?“

Это было эхо глухого взрыва и звонъ разбитыхъ стеколъ. Я взглянулъ опять на площадь и увидалъ людей, бѣгущихъ по всѣмъ направлѣніямъ.

Въ скоромъ времени въ комнату вошелъ кто-то и сказалъ одному изъ докторовъ спокойно.

— Опять таубе. Три бомбы какъ обыкновенно, и нѣсколько раненыхъ. Вы лучше пошли бы, это рядомъ за угломъ.

Неожиданная смерть всегда была рядомъ за угломъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ наблюдателя.

27.

Въ Дюнкирхенѣ я не оставался тамъ долго. Какъ разъ началась погоня и охота за корреспондентами, и мое имя значилось на черномъ листѣ, такъ какъ я видѣлъ уже слишкомъ много. Я рѣшилъ повернуть на югъ и удалиться изъ Бельгіи, гдѣ я испыталъ такъ много сильныхъ ощущеній. Около Фюрнеса началась зимняя кампанія, крайне скучная и почти безъ всякихъ интересныхъ эпизодовъ. Все же я видѣлъ героизмъ бельгійскихъ солдатъ въ ихъ послѣдней борьбѣ съ врагами, опустошившими ихъ маленькое королевство, и пока я живъ, память объ этомъ останется у меня до конца моихъ дней. Я былъ забрызганъ кровью бельгійскихъ солдатъ и помогалъ переносить ихъ, раненыхъ и мертвыхъ. Я горжусь этимъ, и душа моя проникнута высокимъ почтеніемъ къ этимъ доблестнымъ людямъ, остаткамъ арміи, которые безъ сколько-нибудь значительной помощи со стороны французовъ или англичанъ упорно оставались въ своихъ послѣднихъ окопахъ, съ непобѣдимой храбростью отказываясь отъ сдачи и защищая послѣдній кусокъ ихъ земли. Для того, чтобы видѣть это, стоило рисковать жизнью.

ГЛАВА VIII.

ДУША ПАРИЖА.

I.

Въ началѣ войны казалось, какъ будто Парижъ остался безъ души, утративъ всю свою жизнь.

Я уже говорилъ о тѣхъ дняхъ мобилизаціи, когда великое множество молодыхъ людей было неожиданно оторвано отъ ихъ мирныхъ занятій призывомъ къ знаменамъ и отвѣтило на этотъ

призывъ безъ всякаго энтузіазма къ войнѣ, ненавидя ея страшный призракъ и проклиная ту страну, которая принудила ихъ взяться за оружіе. Первая мобилизація продолжалась въ теченіе двадцати одного дня, и съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе становилось постепенное уменьшеніе количества людей на улицахъ, отсутствіе молодыхъ мужчинъ, большая пропорція женщинъ и стариковъ среди тѣхъ, кто остался. Населеніе Парижа лишилось своей лучшей крови благодаря страшному вампиру, войнѣ... Большинство студентовъ ушло изъ Латинскаго квартала безъ всякихъ предварительныхъ демонстрацій въ кафе d'Harcourt и безъ рѣчей, обыкновенно произносимыхъ съ верха стола въ дешевыхъ рестораникахъ по Boul' Miche, гдѣ во время мира каждый политическій кризисъ или серьезная драма вызывали потокъ фантастическаго ораторства со стороны молодыхъ людей съ черной шевелюрой, горящими глазами и грязными ногтями. Они всѣ удалились молча, поспѣшно поцѣловавъ своихъ подругъ, которыя надрывали свое сердце рыданьями цѣлую ночь, прежде чѣмъ искать себѣ новыхъ любовниковъ изъ тѣхъ, кто еще остался въ городѣ.

На всѣхъ улицахъ Парижа закрывались магазины и лавки. Каждый день опускался новый рядъ желѣзныхъ ставней на окна, пока на двадцатый день городъ не казался такимъ же угрюмымъ, какъ Лондонъ въ воскресенье, или какъ будто бы всѣ магазины закрылись по случаю общественныхъ похоронъ. Куски бумаги были налѣплены на запертыя окна и двери.

„Le magasin est fermé à cause la mobilisation“.

„M. Jean Cochin et quatre fils sont au front des armées“.

„Tout le personel de cet établissement est mobilisé“ *).

То, что произошло со мной, показало мнѣ нагляднымъ образомъ все значеніе общей мобилизаціи. Раньше этого случая я еще не понималъ, до какой степени замерла вся дѣловая жизнь Парижа, и какъ все въ немъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ Нанси и на восточную границу, я оставилъ ручной саквояжъ и пледъ въ одномъ отелѣ, гдѣ я свелъ знакомство съ управляющимъ и его помощникомъ, со швейцаромъ, человѣкомъ обслуживавшимъ подъемную машину, и съ лакеемъ. Я обсуждалъ вопросъ о войнѣ съ каждымъ изъ нихъ, и отъ cadaго изъ нихъ я слышалъ одни и тѣ же выраженія ужаса и тревоги. Швейцаръ былъ добродушнымъ малымъ. Онъ повѣдалъ мнѣ, что у него имѣется хорошенькая жена и недавно родившійся ребенокъ, что примиряло его съ непріятностями его положенія въ качествѣ служителя для cadaго, кто бы ни зашелъ въ гостиницу въ скверномъ настроеніи и съ легкимъ кошелькомъ.

Возвратившись изъ Нанси я пошелъ за своимъ саквояжемъ и пледомъ. Когда я вошелъ въ гостиницу, мнѣ бросилось въ глаза что-то странное. Сначала я не могъ понять, въ чемъ тутъ дѣло. Мнѣ показалось на одно мгновенье, что я не туда попалъ.

*) „Магазинъ закрытъ по случаю мобилизаціи“. „Жанъ Кошенъ съ четырьмя сыновьями на фронтѣ“. „Весь персоналъ заведенія мобилизованъ“.

Я не видалъ ни швейцара, ни управляющаго, ни его помощника. Я видѣлъ только даму съ острыми чертами лица, сидѣвшую за конторкой въ полномъ уединеніи, и эта дама смотрѣла на меня, когда я озирался кругомъ, съ очевиднымъ подозрѣніемъ. Я попросилъ весьма вѣжливо принести мой саквояжъ и пледъ, но видъ дамы сдѣлался еще болѣе суровымъ и холоднымъ, когда я объяснилъ, что я потерялъ номеръ своей вѣшалки и не могъ вспомнить номера комнаты, которую я занималъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Можетъ быть, вы можете доказать какимъ-нибудь образомъ, что вы останавливались здѣсь?—спросила дама.

— Конечно, могу. Я помню швейцара. Его звали Пьеръ, и онъ уроженецъ юга.

Она покачала головой.

— У насъ нѣтъ швейцара, мосье. Онъ ушелъ отъ насъ.

— Тогда лакей. Его зовутъ Франсуа. У него кудрявые волосы и подстриженные русые усы.

Дама покачала головой еще болѣе рѣшительнымъ образомъ.

— Нашъ лакей лысый и брюнетъ, мосье. Должно быть, вы останавливались въ другомъ мѣстѣ, а не у насъ.

Я началъ думать, что дѣйствительно я ошибся, но, однако, я помнилъ отчетливо комнату, гдѣ мы находились, рисунокъ ковра и картину, изображавшую Мирабо въ Національномъ собраніи.

Тогда на насъ обоихъ снизошло просвѣтлѣніе.

— Ахъ, вотъ что! Мосье былъ здѣсь до перваго августа. Съ тѣхъ поръ у насъ всѣ ушли на войну. Я жена управляющаго, мосье, и мой мужъ теперь на фронтѣ. У насъ теперь почти нѣтъ служащихъ. Будьте добры, опишите, какого вида вашъ саквояжъ...

2.

Французское правительство боялось души Парижа. Воспоминанія о коммунѣ преслѣдовали умы тѣхъ, кто не понималъ, что характеръ парижанина измѣнился со времени 1870 года. Французскіе министры, читавшіе кое-что изъ исторіи, ужасно боялись, что душа Парижа какъ и прежде породитъ волненіе и страсти толпы, *crises de nerfs*, бунтъ, политическую свалку и панику. Парижъ нужно было крѣпко держать въ рукахъ, образумливать его всѣми возможными мѣрами, не допускать, чтобы до него доходили непріятные факты, кормить его по столовой ложкѣ, бодрыми официальными сообщеніями, какова бы ни была въ дѣйствительности истина, держать противъ него наготовѣ сильную, но скрытую силу, готовую въ одно мгновеніе разогнать процессію, арестовать агитаторовъ, усмирить возстаніе и возстановить строжайшій порядокъ.

Спокойно и постепенно генераль Галіени, военный губернаторъ такъ называемаго укрѣпленнаго лагеря Парижа, привелъ городъ на военное положеніе для того, чтобы задавить всякій бунтарскій духъ, который могъ скрываться въ потайныхъ углахъ

города. Приказы и постановленія выпускались на подобіе бѣгло-го огня такъ быстро, что Парижъ лишился всей своей прежней жизни и свободы. Мѣста для сидѣнія на тротуарахъ возлѣ кафе были уничтожены. Философическій парижанинъ не могъ больше прихлебывать свой *petit verre* и наблюдать драму бульваровъ изъ-за мраморнаго столика. Онъ долженъ былъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, подобно англичанину, во мракѣ своего ресторана, какъ бы стыдясь пить открыто. Абсентъ былъ осужденъ и запрещенъ приказомъ изъ Дома Инвалидовъ, гдѣ основался военный губернаторъ, и тѣ парижане, которые привыкли къ абсенту, затрепетали при этомъ страшномъ рѣшеніи, которое должно было превратить ихъ въ физическія и нравственныя развалины, какими становятся морфиноманы, у которыхъ отобрали повышающее ихъ настроеніе средство. Этотъ приказъ былъ привѣтствуемъ всѣми твердыми людьми, которые знали, что Франція отравляется этимъ отвратительнымъ зельемъ, но и они слегка поблѣднѣли, когда всѣ кафе въ Парижѣ закрылись въ восемь часовъ вечера.

— *Sapristi! Qu'est ce qu'on peut faire les soirs? On ne peut pas dormir tout le temps! Et la guerre durera peut-être trois mois!**)

Закрытіе кафе въ восемь часовъ казалось страшнымъ бѣдствіемъ для всякаго истого парижанина, для котораго жизнь начинается только послѣ восьми часовъ, когда притупляющая рутина дневного труда кончается, и умъ пробуждается для интеллектуальныхъ интересовъ въ дружескихъ разговорахъ, въ философскихъ обсужденіяхъ, въ горячихъ аргументахъ, въ остроуміи и сатирѣ. Какъ же могутъ парижане слѣдить за войной и понимать ея ходъ, если кафе будутъ закрыты въ восемь часовъ? Но приказъ вышелъ, и Парижъ покорно повиновался ему.

За этимъ приказомъ слѣдовали другіе приказы или выпускались по нѣсколько за разъ, подобно залпу, пущенному въ жизнь города. Манифестаціи и процессіи „съ какими бы то ни было патріотическими дѣлами“ были строго запрещены. „Распространителямъ ложныхъ извѣстій или новостей, которыя могутъ произвести тяжелое впечатлѣніе на населеніе“ грозили военные суды и въ высшей степени суровое наказаніе. Нельзя было играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ послѣ десяти часовъ вечера, и оркестры были запрещены во всѣхъ ресторанахъ. О, Парижъ, неужели тебѣ даже будетъ запрещенъ твой смѣхъ, если у тебя еще есть настроеніе смѣяться, когда твои сыны умираютъ на полѣ битвы?

Цензора почти задушили прессу, не только запрещая печатать новости о войнѣ, но также и мнѣнія о ней. Гюставъ Эрве подписывалъ три дня въ недѣлю своимъ именемъ чистые столбцы удивительнаго краснорѣчія. У Жоржа Клемансо многократно стояли поразительныя заглавія впереди текста, выкинутого цензурой. Парижская интеллигенція не могла выражать своего мнѣ-

*) „Что же дѣлать вечерами? Нельзя же постоянно спать! И война можетъ затянуться мѣсяца на три“!

нія иначе, какъ съ дозволенія военныхъ цензоровъ, большинство коихъ, какъ это ни странно, носило нѣмецкія фамиліи.

Полиція подъ управленіемъ военнаго губернатора работала во всю въ первые дни войны. Въ теченіе всѣхъ двадцати четырехъ часовъ въ сутки, а особенно во мракѣ ночи, улицы осматривались людьми въ синихъ кепахъ, ѣхавшими на велосипедахъ по четверо, молчаливо какъ тѣни по всѣмъ улицамъ города. У нихъ была непріятная манера окружать всякаго одинокаго пѣшехода, который проходилъ по улицѣ въ поздній часъ, и чинить ему допросъ о его національности, возрастѣ и занятіи.

Меня останавливали нѣсколько разъ такимъ образомъ, и я ни разу не могъ избѣжать маленькаго frousse, которое пробѣгало по моей спинѣ, когда эти темныя фигуры настигали меня, соскакивали со своихъ велосипедовъ и говорили съ угрюмымъ подозрѣніемъ:

— Vos papiers, s'il vous plait!*)

Мои карманы оттопыривались отъ бумагъ всякаго рода, которыя я поспѣшно подносилъ къ свѣту фонаря для тщательнаго изслѣдованія.

Они слѣдовали за каждымъ неизвѣстнымъ имъ прохожимъ такъ быстро, что въ Парижѣ не было такого мѣста, гдѣ можно было бы укрыться отъ нихъ. Черезъ пять минутъ послѣ того, какъ я взобрался къ одному пріятелю на пятый этажъ стараго дома въ концѣ двора на Rue de Rivoli, послышался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ комнату вошли двое въ гражданскомъ платьѣ съ тѣмъ видомъ ищущаго, который принадлежитъ сценѣ и французскимъ сыщикамъ. Они забыли снять съ головы свои шляпы—котелки, что показалось мнѣ прискорбнымъ уклоненіемъ отъ французской вѣжливости.

— Vos papiers, s'il vous plait!

Опять мнѣ пришлось вытащить кучу бумагъ: permis de séjour въ Парижѣ, Амьенѣ, Руанѣ, Орлеанѣ, Ле-Манѣ; laisser-passer для Булони, Діеппа, Гавра, Дюнкирхена, Эръ сюръ-Лиса, Бетюна и Газбрука; британскіе паспорта и паспорта, визированные французскими консулами, французской полиціей, французскими генералами, французскими мѣрами и французскими начальниками станцій. Но все это ихъ мало удовлетворило. Одинъ изъ нихъ съ оттопыреннымъ боковымъ карманомъ—вы, конечно, видѣли въ театрѣ, какъ быстро оттуда появляется револьверъ?—упомянулъ о томъ, что вся моя коллекція бумагъ была не лучше стараго желѣзнодорожнаго билета, такъ какъ я не исполнилъ послѣдняго правила относительно фотографіи на permis de séjour. Мы все-таки разстались по-пріятельски, выразивъ нашу твердую вѣру въ Entente cordiale**).

*) „Пожалуйста, ваши бумаги“!

**) „Сердечное согласіе“.

3.

Одна сцена рѣзко врѣзалась мнѣ въ память. Это случилось на узкой улицѣ Парижа, гдѣ фонарь на углу бросалъ свои лучи на бѣлыя лица двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Была полночь, и я ждалъ около редакціи газеты, гдѣ мой помощникъ освѣдомлялся о послѣднихъ извѣстіяхъ съ театра войны. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я слѣдилъ за этими людьми съ предчувствіемъ, что вотъ-вотъ съ ними произойдетъ что-нибудь недоброе. Они принадлежали къ классу апашей, какъ можно было видѣть по покрою ихъ панталонъ, засунутыхъ въ башмаки, по ихъ широкимъ поясамъ и по бархатнымъ беретамъ, надвинутымъ на лица съ тонкими, рѣзкими чертами. У женщинъ головы были покрыты шальями, и изъ-подъ ихъ юбокъ были видны ботинки на высокихъ каблукахъ. Зрители Альгамбры въ Лондонѣ тотчасъ же узнали бы, какой послѣдуетъ танецъ, когда такая группа медленно подкралась бы къ ярко освѣщенной рампѣ. Въ настоящее время они исполняли родъ медленнаго танца, хотя и безъ музыки за исключеніемъ рыданій женщинъ и шипящихъ проклятій одного изъ мужчинъ. Младшій изъ двухъ мужчинъ былъ мертвецки пьянъ, и было очевидно, что остальные старались дотащить его домой, раньше чѣмъ случится съ ними бѣда. Они качались съ нимъ изъ стороны въ сторону, поднимали его, когда онъ падалъ, били его жестоко по лицу, когда онъ старался обнять одну изъ женщинъ и вели его все дальше и дальше по направленію къ глухому переулку. Внезапно на нихъ нагрянула бѣда. Четыре мрачныхъ тѣни на велосипедахъ выѣхали изъ темноты и остановились около нихъ.

Рѣзко и отчетливо на подобіе револьверныхъ выстрѣловъ изъ внезапнаго молчанія и тишины до меня донеслись два слова, остановившія этихъ четырехъ людей:

— Vos papiers!

На этотъ разъ тутъ не было „s'il vous plait“.

Очевидно было, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ апашей—я думаю, пьяный—не имѣлъ бумагъ, объяснявшихъ его присутствіе въ Парижѣ, и что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ *embusqués**), которыхъ военный губернаторъ искалъ въ бѣдныхъ частяхъ города. (Въ болѣе богатыхъ кварталахъ не замѣчалось такихъ тщательныхъ поисковъ нѣкоторыхъ юныхъ господъ хорошихъ фамилій, которые не явились на призывъ). Съ бѣдняками, уклоняющимися отъ военной службы, была короткая расправа у солнечной стороны бѣлой стѣны, гдѣ они должны были встать съ завязанными глазами противъ направленныхъ на нихъ ружейныхъ дулъ. Среди молчанія ночи слышался крикъ, за нимъ другой. Двѣ женщины были охвачены дикимъ ужасомъ и горемъ. Одна изъ нихъ бросилась на колѣна, вѣпившись въ полицейскаго, хватая его умоляюще руками, пока онъ не отшвырнулъ

*) Уклоняющихся (отъ призыва).

ея отъ себя. Тогда она поднялась и прислонилась къ стѣнѣ, стѣная и воя, какъ раненое животное. Пьяный протрезвѣлъ на-столько, чтобы стоять прямо, когда его держали два полицей-скихъ, а третій обыскивалъ. При свѣтѣ уличнаго фонаря я ви-дѣлъ его поблѣднѣвшее лицо и ввалившіеся глаза. По прошест-віи двухъ минутъ полиція увела обоихъ мужчинъ, оставляя за собой женщинъ, которыя тихо рыдали, закутавшись въ свои шали.

Въ Парижѣ царило общее убѣжденіе, что много апашей было разстрѣлено pour encourager les autres*). Я не могу сказать, что такъ оно и было—парижская полиція не выдаетъ своихъ секре-товъ,—но я думаю, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ приискано было наиболѣе опасное мѣсто на боевомъ фронтѣ. Парижъ ли-пился многихъ изъ своихъ бунтовщиковъ противъ собственности, которые уже больше не покажутся на Place Pigalle и на Avenue de Clichy въ безлунныя ночи. Несчастные и жалкіе люди! Они вели свою войну только съ зажиточными классами и употребля-ли обычно болѣе невинные методы, чѣмъ тѣ, что примѣняются на настоящей войнѣ, когда изъ-за тѣхъ же денежныхъ интере-совъ люди убиваютъ другъ друга разрывными бомбами, выры-ваютъ штыками внутренности у себѣ подобныхъ и взрываютъ на воздухъ цѣлыя роты въ окопахъ, подъ которые проводятся мины такъ искусно, что при словѣ „Пали!“ ни одна рука или нога не остается на своемъ мѣстѣ, и самъ Господь не распозна-етъ своего творенія.

4.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ царила шпио-номанія, и полиція, дѣйствуя подъ началомъ военныхъ властей, дѣятельно охотилась за бошами. Это была такого рода ловля, которая заставляла меня испытывать непріятное мучительное чувство, когда я видѣлъ пойманную добычу. Совершенно такое же мучительное чувство я испытывалъ мальчикомъ, когда видѣлъ крысу, пойманную въ ловушку и вытащенную для того, чтобы ее растерзали собаки. Всѣ мои инстинкты заставляли меня же-лать, чтобы бѣдное животное спаслось.

Однажды, когда я сидѣлъ въ café Napolitain во время одной изъ моихъ краткихъ экскурсій въ Парижѣ съ театра военныхъ дѣйствій, я услышалъ крики и увидалъ толпу людей, бѣжавшихъ по направленію къ мотору, слѣдовавшему по Boulevard des Italiens. Только одно слово повторялось кругомъ съ выразительнымъ ши-пѣньемъ:

— Espion! Espion!

Шпионъ находился между двумя полицейскими агентами. Онъ былъ связанъ веревками, и его воротничекъ былъ сорванъ, такъ что шея его была обнажена, какъ у человѣка, готоваго лечь подъ ножъ гильотины. Такъ или иначе, но видъ этого человѣка мо-

*) Острaстки другихъ.

ментально напомнилъ мнѣ тѣ старыя сцены французской революціи, когда французскихъ аристократовъ везли въ телѣгѣ по улицамъ Парижа. Арестованный былъ молодой человѣкъ съ правильными красивыми чертами лица и, хотя онъ и былъ блѣденъ какъ смерть, и струйка крови бѣжала по его щекамъ изъ раны на вискѣ, онъ презрительно и гордо улыбался. Онъ зналъ, что онъ идетъ навстрѣчу смерти, но рискъ смерти былъ принять имъ въ соображеніе, когда онъ остался въ Парижѣ ради своей родины. Нѣмецкій шпионъ! Да, но храбрый человѣкъ, который шелъ навстрѣчу смерти со спокойствіемъ по залитымъ солнцемъ улицамъ Парижа среди злобныхъ восклицаній и шума толпы, поднимавшимися какъ волны вокругъ него.

Въ тотъ же самый день вечеромъ я увидѣлъ другой эпизодъ изъ этого періода шпиономаніи, болѣе забавный. Онъ произошелъ въ знаменитомъ ресторанѣ, недалеко отъ Comédie Française, гдѣ французскіе солдаты въ разнообразныхъ мундирахъ обѣдали со своими дамами передъ отправленіемъ на фронтъ послѣ однодневнаго отпуска. Внезапно среди жужжанья голосовъ, заглушая звонъ стакановъ и кофейныхъ чашекъ, раздался голосъ, говорившій отчетливо и ясно. Я видѣлъ, что это былъ управляющій рестораномъ, обращающійся къ своимъ кліентамъ.

— Messieurs и mesdames, мой коллега, управляющій, только что арестованъ по обвиненію въ шпионствѣ. Мнѣ позволено сказать только эти нѣсколько словъ, чтобы выразить мое глубокое сожалѣніе о томъ, что я не имѣю больше возможности и удовольствія слѣдить за вашими желаніями и требованіями.

Съ поклономъ этотъ типичный французскій „patron“—ужь, конечно, не нѣмецкій шпионъ!—вернулся и вышелъ изъ залы. Взглядъ удивленія пробѣжалъ по лицамъ французскихъ солдатъ. Дамы подняли свои тронутыя карандашомъ брови и затѣмъ—такъ быстро выдыхается впечатлѣніе войны—продолжали свою бесѣду среди облаковъ папирознаго дыма.

5.

Однако, французское правительство боялось больше всего совсѣмъ не нѣмецкихъ шпионовъ. Сказать правду, Парижъ былъ наводненъ нѣмцами, перешедшими во французское подданство за нѣсколько недѣль передъ началомъ войны и находившимися такъ или иначе въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ полицейскими властями, несмотря на ловлю шпионовъ и шпиономанію, которая иногда угрожала свободѣ невинныхъ англичанъ и болѣе или менѣе невинныхъ американцевъ. Только чистая случайность повела за собой арестъ извѣстной содержательницы моднаго магазина, на five o'clock которой, среди ей живыхъ манекеновъ всегда присутствовало и много нѣмцевъ, прибывшихъ въ Парижъ по дѣламъ спеціального характера. Когда эта почтенная дама прикрыла тевтонское наименованіе своей фирмы флагомъ Краснаго Креста и превратила свои залы въ госпитальную палату, пре-

красно снабженную всё́мъ, только не ранеными, полиція не трогала ее до тѣхъ поръ, пока политическій скандалъ не вывелъ всей подноготной на чистую воду и не сдѣлалъ послѣдняго достояніемъ публики.

Французское правительство боялось больше всего природныхъ парижанъ. Для того, чтобы охладить ихъ пылкій умъ, улицы Парижа держали въ темнотѣ, и всё мѣста развлеченія были закрыты тотчасъ же, какъ только была объявлена война. На тотъ случай, если бы мятежъ и бунтъ разразились революціонной пропагандой, по городу день и ночь слѣдовали патрули республиканской гвардіи, и агенты полиціи были усилены отрядами флотскими стрѣлками съ заряженными ружьями, при чемъ эти простые ребята не могли даже направить незнакомаго съ Парижемъ на Place de la Concorde или найти свою дорогу на Place de la Bastille.

Во всякомъ случаѣ Парижъ не долженъ былъ знать правды о войнѣ, если эта правда была непріятна. Для Парижа должны быть только побѣды, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть поражений. Парижане не должны были даже знать, что на войнѣ людей ранятъ и калѣчатъ, иначе они могли впасть въ такое уныніе или въ такое бѣшенство, что—такъ думало французское правительство—снова могъ раздастся старый крикъ „Nous sommes trahis*“, обезглавливанье министровъ и дикія оргіи, во время которыхъ улицы Парижа покраснѣютъ отъ крови.

Прекрасно оборудованные госпитали Парижа пустовали.

Это была комедія, за которой таилась страшная трагедія. Доктора, стоявшіе возлѣ этихъ пустыхъ кроватей, и хирурги специалисты, разгуливающіе по великолѣпно оборудованнымъ операціоннымъ, задавались вопросомъ, почему они остаются безъ дѣла, когда такая масса французскихъ солдатъ умираетъ отъ недостатка въ помощи, и почему Парижъ, этотъ нервный центръ всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій, такъ близко лежавшій къ фронту, гдѣ поля были усыяны жертвами войны, долженъ быть устраненъ отъ всякой работы по облегченію страданій. Это была та самая нотка лживости, которая всегда пробѣгаетъ по французской официальной жизни. „Политика“! говорили парижскіе доктора. „Проклятая политика“!

Но на самомъ дѣлѣ это былъ страхъ. Правительство боялось Парижа, боялось, что его нервы не выдержатъ, и поэтому всё поѣзда съ ранеными были направлены въ обходъ столицы, передвигаясь по длиннымъ и сложнымъ маршрутамъ, стоя часами на запасныхъ путяхъ, и если раненыхъ и привозили въ Парижъ, то только ночью, когда санитарные моторы пробирались по глухимъ улицамъ подъ покровомъ темноты изъ опасенія, чтобы ихъ не увидали.

Французскимъ министрамъ совсѣмъ не слѣдовало бояться. У Парижа было больше храбрости, чѣмъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и къ тому же больше достоинства и больше вѣры. Когда фран-

[*) „Мы преданы“.

пузскіе министры бѣжали въ Бордо, не предупредивъ населеніе о томъ, что врагъ находится у воротъ города, Парижъ остался совершенно спокойнымъ и не обнаружилъ ни дикаго ужаса, ни паники, ни ярости. Въ немъ не было ни политическихъ воплей, ни революціоннаго взрыва. Ни одинъ уличный ораторъ не взбирался на стулъ около кафе, чтобы закричать „Nous sommes trahis!“... Въ Парижѣ даже не нашлось слова укоризны тѣмъ, кто фабриковалъ правительственныя сообщенія и придавалъ фальшивый блескъ надеждамъ безобразнымъ фактамъ. Поспѣшно и печально свыше милліона людей бѣжало изъ Парижа, какъ только правительство подало примѣръ къ бѣгству. Они боялись, и ихъ исходъ носилъ характеръ паническаго бѣгства, но все же среди бѣглецовъ не замѣчалось признаковъ истеріи, и мужчины и женщины не теряли головы, хотя они и потеряли свои надежды. Рѣдко приходилось видѣть плачущую женщину. Не было слышно воплей людей, обезумѣвшихъ отъ отчаянія. Грустно эти бѣглецы покинули городъ, составлявшій для нихъ весь міръ, и дороги къ югу отъ Парижа покрылись массами людей, ушедшихъ въ страхъ, но бодрыхъ на своемъ пути, удрученныхъ сердцемъ, но и тогда находившихъ комическія стороны въ своей бѣдѣ, смѣявшихся—какъ часто смѣются француженки въ часъ гибели—даже тогда, когда ихъ страданія достигали наивысшихъ предѣловъ, и когда тяжелое горе слышалось въ ихъ шуткахъ.

6.

Въ концѣ-концовъ душа Парижа не умерла, даже въ тѣ мрачные дни, когда такъ много его обитателей исчезло, и когда на короткій срокъ онъ казался покинутымъ и пустыннымъ городомъ. Много тысячъ горожанъ осталось въ немъ, составляя все же громадное населеніе, и хотя въ теченіе нѣсколькихъ дней парижане оставались по большей части дома, удрученные страхомъ, что каждый моментъ они могли услышать вой первыхъ снарядовъ, проносящихся надъ ихъ головой, или топотъ нѣмецкой конницы, все же они быстро возобновили ежедневную рутину ихъ жизни, насколько это было возможно въ такое время. Около фруктовыхъ и зеленыхъ лавокъ по Rue St. Nanoré толпились какъ обыкновенно расчетливыя хозяйки, которыя выходятъ за покупками рано утромъ, и около des Hales, къ которымъ я направилъ мои шаги по старымъ улицамъ Парижа, чтобы замѣтить разницу въ цѣнахъ на жизненные припасы, стояла обычная суета. Только тотъ, кто зналъ Парижъ, могъ замѣтить здѣсь перемѣну, а именно отсутствіе многихъ молодыхъ носильщиковъ, которые обыкновенно несли тяжелыя покупки на головахъ, первоначально уголивъ свою жажду въ Chien bui fume, и присутствіе многихъ молодыхъ дѣвушекъ-мидинетокъ, которыя въ обыкновенное время позднѣе поднимались со своихъ кроватей, прежде чѣмъ отправиться на трамвай въ свои магазины.

Эти магазины были теперь закрыты. Крупные торговые дома,

какъ, напимѣрь, *Galeris Lafayette*, распустили свои арміи приказчицъ и даже многія фабрики въ пригородахъ какъ *Charentou* и *La Villette*, приостановили работу въ виду того, что ихъ механики и рабочіе были призваны къ знаменамъ въ началѣ войны. Женщины Парижа оказались въ безжалостной нуждѣ, и тысячи ихъ остались безъ работы, что всегда дѣлаетъ бѣдность еще болѣе ужасной. Даже въ настоящее время я удивляюсь, какъ могло такъ много женщинъ пережить первые мѣсяцы войны. Среди женщинъ Парижа было много такихъ, которыя поддерживали свое маленькое хозяйство исключительно благодаря мужьямъ, которые теперь въ рядахъ французской арміи получали одно су въ день и славу въ качествѣ *pourboire**). Много старыхъ матерей жило на счетъ своихъ сыновей, отказавшихся отъ брака, дѣтей и жизненнаго комфорта для того, чтобы поддерживать своимъ бѣднымъ жалованьемъ правительственныхъ чиновниковъ существованіе тѣхъ женщинъ, которымъ они были обязаны своимъ рожденіемъ. Большая часть парижскаго населенія всегда живетъ на скромныя средства, не знаетъ, что ждетъ его въ будущемъ, еле сводя концы съ концами, сжимаясь и откладывая одно су тамъ, другое су здѣсь для того, чтобы свести еженедѣльные расходы на существованіе и сохранить хоть сколько-нибудь на малую толику той *joie de vivre*, которая для всякаго парижанина является существенной необходимостью. Теперь по мановенію войны экономія всей жизни была уничтожена. Не было жалованья, изъ котораго можно было приготовить лишнее блюдо къ обѣду или, отказавъ себѣ въ этой роскоши, пойти въ кинематографъ Пате. Матери, жены и возлюбленные остались на холодномъ попеченіи казенной благотворительности, и о, какъ холодна была послѣдняя!

Французское правительство обѣщало давать пособіе въ размѣрѣ одного франка двадцати пяти сантимовъ въ день каждой женщинѣ, которая зависѣла отъ мужа, ушедшаго на военную службу. Можетъ быть, въ Парижѣ и возможно прожить на одинъ шиллингъ въ день, хотя, ей Богу, я не хотѣлъ бы такъ жить. Если бы пособіе выдавалось какъ слѣдуетъ, оно могло бы спасти женщинъ отъ быстрой голодной смерти и кое-какъ поддержать ихъ существованіе. Но бѣда въ томъ, что даже и эти деньги получить было трудно. Французскіе чиновники въ высшей степени формалисты: имъ нужно много времени для того, чтобы организовать систему, которая всегда является шедевромъ оговорокъ и мелочныхъ правилъ. Такъ оно и случилось въ первые недѣли войны. Жалко было смотрѣть на длинные хвосты женщинъ, ожидающихъ терпѣливо возлѣ мѣрій цѣлыми часами, а иногда и цѣлыми днями франка двадцати пяти сантимовъ, чтобы купить хлѣба своимъ дѣтямъ. Несмотря на это, терпѣніе этихъ женщинъ было безгранично, и съ почти божественной покорностью онѣ извиняли медленность чиновниковъ, ихъ педантизмъ, безконечныя проволочки и стѣсненія, которыя онѣ

*) На чай.

должны были выносить, благодаря той фразѣ, которая извиняла все во Франціи: „C'est la guerre!“*) Помня, что Франція вела войну, онѣ не возвышали своихъ голосовъ до пронзительнаго крика и не грозили своими тощими руками холоднымъ и безстрастнымъ людямъ, говорившимъ имъ „Attendez, s'il vous plait!“**) съ дьявольской монотонностью, и не били оконъ правительственныхъ учреждений, на которыхъ висѣли цѣлыя мили головоломныхъ правилъ и формалистики.

„C'est la guerre!“ и парижанки обрекали себя на мученія, думая о своихъ кормильцахъ на фронтѣ, радуясь даже мукамъ голода, такъ какъ такимъ образомъ онѣ раздѣляли невзгоды своихъ солдатъ.

Къ счастью, нѣсколько добросердечныхъ мужчинъ и женщинъ, представляющихъ собою Францію въ большей степени, нежели ея министры, имѣвшихъ за собою общественную службу и объединявшихъ собою всѣ фразы интеллектуальной и религіозной дѣятельности въ странѣ, организовали систему частной благотворительности въ дополнение къ правительственной милостынѣ и подъ названіемъ Secours National облегчили тяжелое положеніе нуждавшихся быстрой и великодушной помощьюъ, въ которой была только любовь безъ каменной справедливости государства. Secours National и было тѣмъ, что избавило Парижъ въ первое время отъ наиболѣе тяжкихъ горестей войны, и смягчило ея неизбежную жестокость по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Организованныя этимъ обществомъ *ouvroirs* или мастерскія для неимѣвшихъ работы дѣвушекъ, съ платой одинъ франкъ въ день (немного за долгій день работы, но лучше, чѣмъ ровно ничего) спасли многихъ мидинетокъ отъ голодной смерти.

Тяжелое время настало для дѣвушекъ, которыя не умѣли ни шить, ни исполнять обычныхъ женскихъ работъ, хотя онѣ и много трудились по своей профессіи. Для танцовщицъ Монмартра, для пѣвицъ многочисленныхъ кабачковъ, для уличныхъ жрицъ любви, Парижъ, когда нѣмцы стояли у его воротъ, былъ мертвымъ городомъ, такимъ холоднымъ, когда онѣ бродили по его пустымъ улицамъ съ удивленными взорами, такимъ жестокимъ къ женщинамъ, къ которымъ онѣ были такъ снисходителенъ въ прежніе дни. Онѣ были теперь ненужны для новаго порядка вещей. Ихъ товаръ—легкая походка и граціозныя движенія, рѣзкій хохотъ и лукавые глаза, накрашенные губы и подведенныя брови, пѣвучіе голоса и уловки обольщенья—не имѣли больше цѣны, потому что война захватила тѣхъ людей, которые покупали все это, и на нихъ не было спросу. То, что онѣ продавали, такъ же не требовалось, какъ и фальшивые брильянты, блески, искусственныя розы, дорогіе наряды, бездѣлушки на Rue de la Paix и поддѣльные предметы древности на Rue Mazarin. Молодые люди, снаряды, сѣно, полотно для бинтовъ, носилки, лубки, шприцы требовались въ гигантскомъ количествѣ, но спросъ совершенно отсутствовалъ на жрицъ легкой любви съ запахомъ

*) „Это война!“

**) „Подождите, пожалуйста!“

дешевыхъ духовъ или на фей подмостковъ со всѣми ихъ па новѣйшаго танго. Танцевальная музыка превратилась въ траурный маршъ, и за обольстительнымъ ритмомъ танго послѣдовалъ мѣрный топотъ ногъ, направлявшихся на поля битвы. Добродѣтель могла привѣтствовать новый порядокъ жизни какъ свою побѣду. Поднявъ свои цѣломудренно опущенные взоры, она могла произнести благодарственную молитву за то, что Парижъ омылся отъ всего грѣха, что война очистила его населеніе отъ всей плотской скверны, и что мужская молодежь націи очистилась душой и пошла по стопамъ суровой нравственности. Да, это было дѣйствительно такъ. Война захватила души и тѣла людей, и подъ ея дисциплиной крови и мученій грѣховные помыслы людей, обольщенія плоти, жалости ихъ сердца были обузданы и сурово связаны.

И все-таки, по-христіански становилось жаль этихъ бѣдныхъ мотыльковъ, которые были сокрушены безпощадной войной. Я искренно жалѣлъ ихъ, не стыдясь своего чувства, когда я наблюдалъ, какъ онѣ проходили легкими шагами по улицамъ Парижа въ тотъ сентябрьскій вечеръ, когда городъ какъ бы замеръ, ожидая прихода враговъ, и впослѣдствіи въ продолженіе долгихъ, томительныхъ недѣль войны. У нихъ былъ испуганный видъ, какъ у маленькихъ хорошенькихъ звѣрковъ, попавшихъ въ ловушку. У нихъ были голодные глаза, выражавшіе глубокую задумчивость. Ихъ лица поблѣднѣли, потому что румяна были дороги, когда приходилось тратить послѣдніе гроши на хлѣбъ, и ихъ губы потеряли карминовый цвѣтъ. Однажды двѣ изъ нихъ заговорили со мной, стоя около *Taverne Royale*, гдѣ я строчилъ статью для того, чтобы ее вычеркнулъ цензоръ. Въ нихъ не было замѣтно ни кокетства, ни одного изъ приемовъ ихъ ремесла. Онѣ говорили совершенно просто и серьезно.

— Вы англичанинъ?

— Да.

— Но не солдатъ?

— Нѣтъ. Вы видите въ какомъ я костюмѣ.

— Вы пріѣхали въ Парижъ для удовольствія? Это странно. Теперь здѣсь никто не веселится.

Я спросилъ ихъ, какъ онѣ живутъ теперь, во время войны.

Одна изъ дѣвушекъ, у которой было хорошенкое деликатное личико и серьезная манера говорить, улыбнулась со вздохомъ, который, казалось, выходилъ изъ ея маленькихъ ботинокъ на высокихъ каблукахъ.

— Трудно жить. Я пѣла на Монмартрѣ. Мой возлюбленный на войнѣ. Здѣсь никого не осталось. Со всѣми нами одно и то же. Черезъ нѣсколько времени мы умремъ съ голоду. *Mais, pourquoi pas?* Смерть пѣвички ничего не значитъ для Франціи и не омрачить радости ея побѣды.

Она подняла рюмку съ *amer pison*—за привилегію услышать правду отъ нея я съ удовольствіемъ заплатилъ за него—и сказала попотомъ „*Vive la France*!“ и затѣмъ, коснувшись рюмки губами: „*Vive l'Angleterre*!“

Другая дѣвушка нагнулась ко мнѣ черезъ столъ и задала мнѣ вѣжливый и серьезный вопросъ.

— Не угодно ли мосье немного любви?

Я покачалъ головой.

— *Ça ne marche pas. Je suis un homme sérieux**).

— Любовь теперь дешева, — сказала дѣвушка. — *Ça ne coute pas cher, en temps de guerre***).

7.

Послѣ битвы на Марнѣ старая жизнь Парижа постепенно возстановилась. Тѣ, кто бѣжали сотнями тысячъ, постепенно и мало-по-малу возвращались назадъ изъ Англіи и провинціальныхъ городовъ, гдѣ они ненавидѣли свое изгнаніе и стыдились своего бѣгства. Они вернулись въ свои маленькія квартирки или въ комнаты на чердакахъ, радуясь, что все осталось цѣло подъ слоемъ пыли, проливая слезы при видѣ дѣтскихъ игрушекъ, которыя были оставлены на полу, и при видѣ открытаго фортепiano съ нотами на немъ, которыя оставила дѣвушка, когда она вскочила на серединѣ такта, закончивъ его крикомъ ужаса, и всѣхъ домашнихъ сокровищъ, которыя были собраны цѣлой жизнью труда и были брошены, какъ казалось, навсегда, когда по слухамъ непріятель стоялъ въ двадцати миляхъ отъ Парижа. Городъ былъ спасенъ. Нѣмцы находились въ полномъ отступленіи. Тѣнь страха разсѣялась, и сердце Парижа забилося радостной надеждой, несмотря на весь ужасъ *la'—bas*, гдѣ такъ много молодыхъ людей приносили въ жертву за Францію свою жизнь.

Съ теченіемъ времени улицы становились болѣе оживленными, и начали открываться магазины, при чемъ въ нихъ торговали большей частью женщины и старики. Огромная непріятельская армія окопалась меньше чѣмъ въ шестидесяти миляхъ отъ Парижа. Безконечная битва, все время угрожающая дорогамъ въ Парижъ, отъ Амьена до Суассона, Реймса и Викъ-сюръ-Эна свирѣпствовала и днемъ, и ночью, мѣсяць за мѣсяцемъ. Но въ тотъ моментъ, когда непріятель отступилъ къ Эну, страхъ, висѣвшій подобно черному покрову надъ духомъ Парижа, разсѣялся, какъ будто бы отъ дуновенія сильнаго вѣтра, и населеніе обнаружило разумный и сильный духъ мужества, довѣрія и терпѣнія, удивительный для тѣхъ, кто еще вѣрилъ въ фривольность, нервнось и измѣнчивость чувствъ парижанъ.

Однако, хотя нормальная жизнь внѣшне возстановилась (по существу все рѣшительно измѣнилось), невозможно было забыть про войну или выкинуть ее изъ головы больше чѣмъ на полчаса. Въ уличной толпѣ видно было множество солдатъ всѣхъ французскихъ полковъ, проходившихъ между тыловой частью и фронтомъ. Улицы пестрѣли цвѣтами всѣхъ этихъ формъ—краснымъ

*) Нѣтъ. Я человѣкъ степенный.

**) Она не дорого стоитъ во время войны.

зуавовъ, голубымъ африканскихъ стрѣлковъ, темно-синимъ артиллеристовъ и морскихъ солдатъ. Романическія фигуры разгуливали по бульварамъ и грѣлись на солнцѣ въ садахъ Тюльери. Арабскій шейхъ въ бѣломъ бурнусѣ и развѣвающимся плащѣ, въ мягкихъ туфляхъ пробирался между вереницей кокотокъ, улыбавшихся ему, смотря лукаво на его важное лицо Отелло съ черными влажными глазами и остроконечной бородой. Сенегальцы и туркосы съ выпученными глазами сидѣли, широко улыбаясь, за столиками въ Café de la Paix, платя бѣшенныя деньги за огненную воду, восхищенные этой роскошью жизни послѣ грязнаго ада окоповъ и сырого климата, который заставлялъ ихъ кашлять, какъ чихоточныхъ между взрывами смѣха. По временамъ какая-нибудь необыкновенно яркая форма заставляла всѣхъ оборачиваться съ вопросамъ „Qui est ça?“ какъ, напримѣръ, парадный франтовской мундиръ офицера, летчика въ его съ ногъ до головы ярко-красномъ костюмѣ съ золотымъ крыломъ на рукавѣ. Летчикъ скромнаго ранга не былъ такъ великолѣпенъ, но все же въ своей кожаной курткѣ, голубыхъ рейтузахъ и длинныхъ сапогахъ былъ героемъ улицъ и притягивалъ къ себѣ глаза женщинъ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ службѣ, окутанной все еще фантастичностью войны, рискуя жизнью ежедневно въ своихъ чудесныхъ полетахъ и паря подобно божеству надъ позиціями врага среди грохота обстрѣливающихся его снарядовъ.

Хаки также появился въ Парижѣ, и хотя этотъ цвѣтъ носили многіе штатскіе, напаялившіе его на себя въ качествѣ чего-то въ Красномъ Крестѣ—Богъ знаетъ чего!—Но сукно этого цвѣта волновало сердца всѣхъ парижанъ, которые въ первые мѣсяцы войны, по крайней мѣрѣ, были преисполнены безмѣрнымъ чувствомъ благодарности за то, что Англія пришла къ нимъ на выручку въ часъ опасности и великодушно отдала свою кровь Франціи, укрѣпивъ Entente Cordiale безсмертными узами боевого товарищества.

— Comme ils sont chies, ces braves anglais!*)

Парижане не скоро прекратили выражать свое восхищеніе этимъ „шикомъ“ нашихъ молодыхъ офицеровъ, такъ щегольски и практично одѣтыхъ, съ коричневыми ремнями, коричневыми сапогами и въ рейтузахъ цвѣта хаки.

Дѣвушки-мотыльки порхали около этихъ молодыхъ офицеровъ съ фронта и этихъ рыцарей Краснаго Креста, прельщали ихъ всѣми своими коварными чарами и вели ихъ, многихъ изъ нихъ, къ своей повелительницѣ Цирцеѣ.

На каждомъ перекресткѣ или полѣ деревьями бульваровъ какой-нибудь странный эпизодъ, какая-нибудь удивительная фигура великой драмы привлекала вниманіе пораженнаго зрителя. Внезапное появленіе трагедіи заставляло содрогаться смѣющихся. Слезы и смѣхъ мѣшались другъ съ другомъ по всему Парижу въ это время войны.

*) Какъ шикарны эти бравые англичане!

Ни одинъ нѣмецкій солдатъ не вошелъ въ ворота Парижа, и нѣмецкія пушки не пробили бреши ни въ одномъ изъ укрѣпленій возлѣ Парижа. Но время отъ времени крылатый вѣстникъ смерти, двигавшійся быстро по небу, показывался надъ воротами города и высоко надъ фортами, убивая нѣсколькихъ людей и затѣмъ скрываясь въ облакахъ. Въ Парижѣ было немного лицъ, которыя видѣли какъ таубе, нѣмецкій голубь, совершалъ свой полетъ и бросалъ бомбы. Только небольшая точка показывалась на небѣ, виденъ былъ блескъ металлическихъ частей и слышался далеко гудящій шумъ воздушной машины. Можно было думать, что одинъ изъ французскихъ авіаторовъ возвращается изъ рекогносцировки надъ непріятельскими позиціями на Энѣ или совершаетъ свой полетъ надъ Парижемъ, чтобы расправить свои крылья. Маленькія приказчицы глядѣли вверхъ и думали, какъ было бы чудесно носиться высоко какъ звѣзды съ однимъ изъ этихъ летчиковъ съ острымъ профилемъ, у которыхъ были такіе плутовскіе глаза, когда они спускались на землю. Французы, гулявшіе по бульварамъ, смотрѣли на небо и улыбались. Наверху были храбрые ребята, которые защищали воздухъ Парижа. Ни одинъ бошъ не смѣлъ сунуться со своей машиной надъ крышами города. Но нѣкоторые изъ парижанъ чувствовали безпокойство и стояли, напряженно глядя вверхъ. Замѣчалось что-то особенное въ формѣ этихъ крыльевъ *en haut*. Казалось, они были закруглены у краевъ, тогда какъ у Блеріо крылья прямые.

На какой-нибудь боковой улицѣ Парижа тяжелая масса падала на землю и разверзала ее съ грохотомъ. Женщина, переходившая улицу съ маленькой дѣвочкой—она только что вынырнула изъ своего двора кушитъ молока—почувствовала, что мостовая подъ ней поднялась и ударила ее въ лицо своими обломками. Это было странно. Никогда еще съ ней не случалось ничего подобнаго. „Сюзетта“? Она застонала и закричала: „Сюзетта“?... Но Сюзетта не отвѣчала. Дѣвочка лежала бокомъ съ лицомъ, обращеннымъ къ мостовой. Ея бѣлое платице было окрашено багровымъ и все увеличивающимся пятномъ. Что-то случилось съ одной ея ногой, которая торчала вверхъ, какъ лапка мертвой птички.

— Suzette! Ma petite!... Oh, mon Dieu!*)

Полицейскій наклонился надъ маленькой Сюзеттой. Затѣмъ онъ выпрямился и поднялъ свой сжатый кулакъ къ небу.

Народъ сбѣгался съ улицы и изъ дворовъ. Санитарная каретка быстро прошмыгнула черезъ толпу. Маленькая дѣвочка, которую звали Сюзетта, была подобрана съ мостовой изъ лужи крови. Ея лицо лежало бокомъ на плечѣ полицейскаго, бѣлое какъ у мраморнаго ангела на гробницѣ. Казалось, что Сюзетта, чьи ножки танцовали по улицамъ Парижа, больше никогда уже

*) Сюзетта, мое дитя!... О, Боже!

не будет ходить. Всегда случалось то же самое, когда надъ городомъ появлялся таубе. Эта зловѣщая птица выбирала своей добычей женщинъ и дѣтей, и Парижъ проклиналъ подлецовъ, которые вели войну съ невинными.

Но Парижъ не былъ напуганъ. Его женщины не сидѣли въ четырехъ стѣнахъ изъ-за того, что онѣ могли быть неожиданно убиты на улицахъ. Онѣ смотрѣли на небо и презрительно улыбались. Онѣ были даже рады, что таубе показывался надъ городомъ, такъ что и онѣ, парижскія женщины, могли подвергнуться риску въ этой войнѣ и раздѣлить опасность съ ихъ мужчинами, которые каждый день въ окопахъ, là-bas, встрѣчали смерть ради Франціи. „Нашъ шансъ смерти ничтоженъ—одинъ противъ миллиона“, сказала одна изъ нихъ. „Мы были бы ничтожествомъ, если бы мы боялись ихъ“.

9.

Но были и другіе корабли смерти, которые могли появиться надъ Парижемъ, плывя по небу въ безлунную и тихую ночь. Непріятель старался утратить душу Парижа угрозою разрушенія и смерти, когда надъ городомъ появится флотъ цеппелиновъ. Но Парижъ насмѣхался надъ нѣмецкой угрозой. Проходили недѣли и мѣсяцы, а цеппелины не появлялись, такъ что нѣмецкая угроза обратилась въ шутку. Самое слово „цеппелинъ“ проносилось со смѣхомъ. Въ газетахъ появились статьи, подтрунивавшія надъ нѣмецкимъ графомъ, который изобрѣлъ эти огромные пузыри съ газомъ. Появились и серьезныя статьи, доказывавшія невозможность воздушныхъ рейдовъ. Цеппелины подвергались бы преслѣдованію французскихъ авіаторовъ, какъ только воздушные корабли были бы замѣчены. Они испытали бы судьбу испанской Армады, окруженной небольшими англійскими кораблями, извергавшими огонь и чугунъ въ ихъ неповоротливые остовы. Ни одинъ изъ нихъ не избѣжитъ гибели.

Парижская полиція, болѣе нервная чѣмъ публика, придумала систему сигналовъ на случай, если покажутся цеппелины. По всему городу должны были раздаваться звуки сигнальных рожковъ, и сигналъ ихъ долженъ былъ означать „тушить огни“ по всему Парижу. Нѣсколько ночей производились репетиціи темноты, и городъ былъ погруженъ въ пучину мрака, благодаря которому публика, обѣдавшая въ ресторанахъ, плутала на знакомыхъ улицахъ и ошупью находила себѣ дорогу, смѣясь, когда прохожіе натыкались другъ на друга.

Парижъ наслаждался приключеніями романической таинственностью въ этомъ мракѣ, непривычной прелестью его. Тюльерійскіе сады безъ единаго луча свѣта кромѣ слабого мерцанія звѣздъ были очарованнымъ мѣстомъ съ ихъ бѣлыми статуями богинь, которыя казались смутными и колеблющимися въ этомъ мірѣ тѣней возлѣ грядъ невидимыхъ цвѣтовъ, которые наполняли неподвижный воздухъ своимъ ароматомъ. Узкія улицы каза-

лись черными туннелями, въ которые парижане погружались съ дрожью романтическаго страха. Высокія мрачныя стѣны окружали ихъ, и они смотрѣли вверхъ на небо, какъ бы со дна гигантской пропасти. Стоявшій на балконѣ au cinquième курилъ папиросу и, когда онъ затягивался, огонекъ папиросы былъ какъ бы маленькимъ маякомъ, освѣщавшимъ его лицо, затѣмъ огонь тухнулъ и оставлялъ все во мракѣ. Мужчины и женщины держались за руки, подобно дѣтямъ, играющимъ въ кошку и мышку. Влюбленные парочки цѣловались въ этомъ огромномъ темномъ городѣ, гдѣ никто не могъ замѣтить, что онѣ дѣлали. Смѣхъ женщинъ, шопотъ, шорохъ бѣгущихъ ногъ, крики испуга, все это наполняло городъ неумолчнымъ ропотомъ. La Ville Lumière сталъ темной гробницей, наполненной привидѣніями. Но цеппелины не показывались, и утромъ Парижъ смѣялся надъ страхами ночи.

Но однажды ночью, въ мартѣ мѣсяцѣ тѣ парижане, которые не спали, говоря о своихъ сыновьяхъ на фронтѣ, или дремали надъ Temps, услышали непривычную музыку на улицахъ, подобную трубамъ волшебнаго міра. Эти странные монотонные звуки, въ которыхъ было что-то зловѣщее, приближались и становились все громче и громче.

— Что это?—спросилъ мужчина, сидѣвшій въ мягкомъ креслѣ, смотря по направленію къ окну, выходившему на Boulevard St. Germain.

Женщина, сидѣвшая напротивъ, потянулася устало.

— Какой-нибудь пьяный солдатъ горнистъ... Господи, уже часть, а мы еще не спимъ!

Мужчина вскочилъ со своего кресла и распахнулъ окно.

— Слушай!.. Рожки должны играть, когда появятся цеппелины... Можетъ быть...

Съ улицъ Парижа доносились другіе звуки. Въ отдаленіи чуть слышно раздавались свистки. Колокола пожарныхъ упорно звонили, не переставая.

— L'alerte*!)—сказалъ мужчина.—Цеппелины летятъ!

Лампа на углу внезапно потухла, оставивъ улицу въ полной темнотѣ.

— Fermez vos rideaux!**)—закричалъ грубый голосъ.

Послышались поспѣшные шаги по тротуару, и затѣмъ все смолкло.

— Пустяки!—сказала женщина.—Фальшивая тревога.

— Слушай!

Парижъ теперь совершенно стихъ. Звуки рожка были слабы, какъ звонъ далекихъ колоколовъ, относимый вѣтромъ. Но вѣтра не было, и воздухъ былъ неподвиженъ. Все было тихо за исключеніемъ особенной vibraціи, низкаго гудящаго звука, похожаго на жужжаніе огромной пчелы надъ клевернымъ полемъ. Гудѣніе усилилось, превратившись какъ бы въ гулъ органа, на которомъ

*) Тревога!

**) „Спустите ваши гардины“!

взяли послѣднюю ноту, прекративъ игру. Этотъ страшный непрестанный гулъ исходилъ отъ огромной невидимой машины высоко въ воздухѣ. Теперь ее стали искать прожекторы. Длинные лучи, подобные огромнымъ бѣлымъ рукамъ, распростирались по небу, стараясь поймать ее. Они пересѣкали другъ друга, то падая, то поднимаясь, обходили осторожно по темному своду неба, какъ бы нащупывая каждый дюймъ его, чтобы отыскать невидимую опасность. Пушечные выстрѣлы нарушили молчаніе своими глухими раскатами. Откуда-то изъ Парижа на мгновенье поднялось пламя, освѣтивъ въ своей быстрой вспышкѣ группы темныхъ фигуръ въ открытыхъ окнахъ и на плоскихъ крышахъ.

— Смотри!—сказалъ мужчина, который смотрѣлъ на Boulevard St. Germain.

Женщина глубоко вздохнула.

— Да, это одинъ изъ нихъ!.. И другой!.. Какъ быстро они мчатся!

На небѣ было черное пятно, чернѣе темноты ночи. Пятно это двигалось съ огромной скоростью, и громкіе вибрирующіе звуки слѣдовали за нимъ. На мгновенье, пойманное однимъ изъ длинныхъ свѣтовыхъ лучей, оно обнаружило себя. Это былъ корабль смерти, бѣлый отъ носа до кормы и пересѣкавшій небо подобно молніи. Онъ опять исчезъ въ темнотѣ, и его движеніе только можно было видѣть благодаря какимъ-то маленькимъ огонькамъ, которые какъ бы падали съ него. Они гасли, какъ французскія спички, разбрызгивая искры.

Во всѣхъ частяхъ Парижа тысячи людей слѣдили за этимъ привидѣніемъ на небѣ. Жители Монмартра взобрались на верхъ Sacré Cœur и жадно слѣдили за свѣтомъ прожекторовъ и за взрывами прапнели. Звуки рожковъ, призывавшіе каждого оставаться внутри зданій, заставили парижанъ вскочить съ кроватей и поспѣшить на улицы. Въ отвратительномъ настроеніи духа въ Парижѣ были тѣ, кто спалъ въ продолженіе alerte и утромъ встрѣтилъ новости съ недоувѣрчивымъ „Quoi? Non, ce n'est pas possible!*)

Въ пригородахъ было разбито нѣсколько домовъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено въ ихъ постеляхъ. Неразорвавшіяся бомбы были найдены въ садахъ и на кучахъ мусора. Въ концѣ-концовъ налетъ цеппелиновъ оказался смѣхотворной неудачей въ тонкомъ искусствѣ убивать людей, и списокъ потерь былъ такъ незначителенъ, что Парижъ осыпалъ насмѣшками корабли смерти, которые приходили ночью. Графъ Цеппелинъ какъ былъ, такъ и остался тѣмъ же самымъ старымъ blagueur'омъ. Его пресловутые воздушные корабли были смѣшны.

Струйки критики проникли въ газеты и избѣжали цензора. Гдѣ же были французскіе авіаторы, которые поклялись защищать Парижъ отъ подобнаго налета? Ходили неприятные слухи о томъ, что эти отважные молодые господа проводили эту ночь съ дамами ихъ сердца. Говорили, что телефонистъ, который долженъ

*) „Да? Нѣтъ, это невозможно!“

былъ послать имъ извѣщеніе, тоже дѣлалъ la bombe или спалъ далеко отъ своего поста. Не было никакихъ сомнѣній, что нѣкоторые, хорошо извѣстныхъ, авіаторовъ видѣли въ парижскихъ ресторанахъ до ихъ закрытія... Критика была убита оффиціальнымъ опроверженіемъ генерала Галіени, который выступилъ на защиту этихъ молодыхъ господъ, подвѣдомственныхъ ему, и утверждалъ, что каждый изъ нихъ былъ на своемъ посту. Это было такое опроверженіе, которое заставило злословящихъ парижанъ улыбаться такъ же загадочно, какъ и Мона Лиза.

10.

Призракъ войны проникалъ въ каждую замочную скважину въ Парижѣ, и ни одинъ мужчина и ни одна женщина, запершись на высокомъ чердакѣ, не могли избавиться отъ злыхъ геніевъ, которые господствовали надъ интеллектомъ и воображеніемъ и налагали свои холодныя руки на всѣ чувства въ ту страшную зиму, когда лучшая кровь Франціи лилась въ полузатопленныхъ водой траншеяхъ отъ Фландріи до Аргоннъ. Все же въ Парижѣ находились кружки, которые старались, насколько возможно, забыть войну и притворялись, что искусство все еще живо, и что философія не была затронута всѣми ужасами на фронтѣ.

Въ Restaurant des Beaux-Arts и другихъ boîtes, гдѣ представители искусствъ снисходили удовлетворять свое низменное чувство голода за одинъ франкъ пятьдесятъ сантимовъ (vin compris), старые художники, старые актеры, скульпторы, бороды которыхъ, казалось, были покрыты бѣлой пылью ихъ мастерскихъ, и литераторы, которые напишутъ вамъ сонетъ или эпитафію, рѣчь по случаю бракосочетанія или политическое воззваніе въ самомъ изящномъ стилѣ французской поэзіи и прозы (немножко архаичной въ своихъ выраженіяхъ), собирались каждую ночь совершенно такъ же, какъ и въ дни мира. Нѣкоторые изъ юныхъ лицъ, которые обычно сидѣли здѣсь за столами, исчезли, и по временамъ здѣсь наступало молчаніе на мгновенье, когда одинъ изъ habitués поднималъ свой стаканъ въ память солдата Франціи (призваннаго къ знаменамъ въ роковой день въ августѣ), который палъ на полѣ чести. Духъ войны прокрадывался даже въ Restaurant des Beaux-Arts, но его присутствіе игнорировалось какъ только возможно длинноволосыми членами богемы въ грязныхъ засаленныхъ костюмахъ и съ немытыми руками, которые обсуждали какъ будто бы съ прежнимъ огнемъ духъ красоты древней Греціи, присущую женщинамъ порочность, вульгарность буржуазіи, прозу Анатоля Франса, юморъ Раблэ и его преемниковъ и другіе предметы вѣчныхъ споровъ.

Даже клубы артистовъ не всѣ закрыли свои двери, хотя такъ много молодыхъ художниковъ теперь мѣшали кровь съ грязью и наблюдали импрессионистическія картины разрушенныхъ деревень сквозь дымъ рвущихся снарядовъ. Я наблюдалъ сквозь папиросный дымъ въ высшей степени причудливое собраніе въ

одномъ изъ этихъ клубовъ вблизи бульвара Saint-Germain. Славянки съ заплетенными косами, американки въ футуристическихъ платьяхъ, итальянки, похожія на фигуры съ прерафаелитскихъ фресокъ, мужчины съ обезьяньими лицами и обезьяньими манерами, мужчины съ лицами средневѣковыхъ святыхъ, нѣсколько испорченными искушеніями дьявола, наполняли длинную комнату безъ всякихъ украшеній, говорили другъ съ другомъ на странныхъ языкахъ и страстно ухаживали другъ за другомъ на всемірномъ языкѣ любви и въ темныхъ углахъ, гдѣ стояли ободранные диваны. Уродливое крошечное созданіе, взгромоздившись на стулъ у рояля, ударило по клавишамъ разстроеннаго инструмента, пропуская неигравшія ноты съ большой ловкостью, и послышалась восхитительная мелодія.... Это былъ тотъ же самый старый Парижъ даже и во время войны.

11.

Живыя картины и движущіяся статуи въ Grand Palais давали представленіе объ изящномъ искусствѣ войны, какъ оно практикуется цивилизованными людьми, употребляющими разрывные снаряды, бомбы, шрапнель, ручныя гранаты, пулеметы и другія хитроумныя изобрѣтенія, благодаря которымъ созданія Господа Бога могутъ быть передѣланы для того, чтобы прійтись по вкусу современнымъ людямъ. Я видѣлъ здѣсь весеннюю выставку великой войны, какъ она была занесена въ каталогъ хирургами, докторами и научными экспертами по раненіямъ и нервнымъ болѣзнямъ.

Это было не особенно красивое зрѣлище. Единственно, что искупало его безобразіе, было то, какъ всѣ эти врачи посвятили себя почти безнадежному дѣлу восстановленія подобія человѣка изъ людей, изуродованныхъ художниками смертоноснаго искусства.

Въ этомъ огромномъ дворцѣ, по которому въ мирное время разгуливали хорошенькія женщины, поднявъ высоко брови и восклицая: „Ciel“! (даже француженки возмущались самыми передовыми среди футуристовъ), находилось большое количество необыкновенныхъ машинъ, поражающихъ ужасомъ зрителя, которыми пользовались французскіе солдаты разныхъ чиновъ и въ различныхъ мундирахъ съ вывихнутыми, переломанными и парализованными членами. Одинъ молодой человѣкъ, повидимому кавалерійскій офицеръ, сидѣлъ верхомъ на странномъ велосипедѣ, который не двигался со своего пьедестала, хотя колеса его вертѣлись благодаря движенію ногъ сѣдока. Онъ двигалъ ногами со всей силой, хотя очевидно у него было отвердѣніе нижнихъ мускуловъ, такъ что каждое движеніе причиняло ему боль. Другой инвалидъ, съ бакенбардами какъ у тигра, сидѣлъ, прислонившись къ стѣнѣ, держась за два кольца, спускавшихся съ машины и соединенныхъ съ двумя гирями. Монотонно и безъ всякаго выраженія въ глазахъ онъ поднималъ и опускалъ свои руки на нѣсколько дюймовъ для того, чтобы вернуть имъ спо-

способность движенія, утраченную при нервномъ ударѣ. Въ этой огромной залѣ вращалось много колесъ, и къ нимъ были привязаны люди, какъ будто бы въ камерѣ пытокъ, дьявольски устроенной. Однако, здѣсь задача была уничтожить жестокости войны, послѣ того, какъ она сдѣлала свое ужасное дѣло.

Худшее зрѣлище было въ другихъ комнатахъ, въ которыхъ бѣдные разбитые люди лежали внизъ лицомъ въ наполненныхъ горячимъ воздухомъ ящикахъ, гдѣ они оставались неподвижными и молчаливыми какъ будто бы въ гробахъ, или съ половиной ихъ тѣлъ, погруженной въ электро-ванну. Сестры массировали искалѣченные и разбитые члены и трудились съ огромнымъ терпѣніемъ и деликатностью надъ онѣмѣлыми пальцами солдатъ, нѣкоторые изъ которыхъ остались только съ одной рукой, такъ что, если имъ не придется дѣйствовать своими оставшимися тремя или четырьмя пальцами, они не будутъ въ будущемъ годны ни для какого дѣла. Но всѣхъ несчастнѣе были длинные ряды параличныхъ и слѣпыхъ, которые лежали въ палатѣ безъ движенія, ничего не видя, съ обезображенными лицами. Эта скульптура во дворцѣ искусствъ могла заставить и камни расплакаться.

Трудно было думать о войнѣ и смерти, когда пришла весна съ ея общаніемъ новой жизни. По всему городу какъ бы проходилъ трепетъ этой новой жизни. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ сокъ поднимается въ деревьяхъ на бульварахъ. Или, быть можетъ, это было только вѣтеръ, наигрывающій свои мелодіи на невидимыхъ струнахъ арфы, на телеграфныхъ проволокахъ или напѣвавшій весеннюю пѣснь въ ухо парижанъ?

12.

Я написалъ много относительно души Парижа во время войны. Однако, всѣ маленькія подробности, которыя я привелъ, обнаруживаютъ лишь только тривиальныя черты города. Поднимаясь надъ всѣми этими эпизодами и мелкими фактами на огромную высоту, душа Парижа представляла собой непрестанно горѣвшее пламя.

Въ Парижѣ были и *embusbuës*—уклоняющіеся отъ воинской службы—сотни или даже тысячи молодыхъ людей, которые находили для себя нетрудное дѣло, благодаря чему ихъ не посылали на фронтъ подъ огонь непріятеля, или выдавали себя съ успѣхомъ за больныхъ при помощи семейныхъ или политическихъ связей. Будемъ говорить правду, такъ какъ нѣтъ ничего выше истины. Но мужское населеніе Парижа въ цѣломъ послѣ первой дрожи и ужаса, послѣ первыхъ страданій разлуки съ привычнымъ безопаснымъ образомъ жизни благородно откликнулось на призывъ „*La Patrie en danger*“! Пожилые отцы семействъ и младшіе сыновья уходили далеко съ веселыми пѣснями, скрывая печаль подъ личиной беззаботной веселости. Восемнадцатилѣтніе юноши послѣдовали за ними въ апрѣлѣ мѣсяцѣ послѣ девяти мѣсяцевъ войны, и не слышалось ни одного голоса, ко-

торый возсталъ бы противъ этой послѣдней и ужасной жертвы. Парижъ проклиналъ безсмысленность войны, кричалъ „Доколѣ, о Господи, доколѣ“? въ то время, какъ война продолжалась во всей ея неприглядности со всеувеличивавшейся тратой жизней, слабѣлъ при мысли о второй зимней кампаніи и стоналъ, когда его улицы наполнялись ранеными и женщинами въ траурѣ. Но хотя Парижъ и страдалъ отъ острыхъ мукъ, какъ страдаетъ всякое существо съ повышенной чувствительностью, онъ не терялъ ни вѣры, ни мужества и былъ въ состояніи смѣяться иногда, несмотря на всѣ его слезы.

Городъ красоты, созданный мечтою великихъ художниковъ и великихъ поэтовъ, я наблюдалъ тебя во время войны, проходя по твоимъ молчаливымъ улицамъ въ роковые и ужасные дни, мѣшаясь съ твоими толпами, когда множество калѣкъ еле передвигалось по залитой солнцемъ улицѣ, знакомясь съ твоимъ уныніемъ и надеждой, блуждая по твоимъ церквамъ, твоимъ театрамъ и твоимъ госпиталямъ, и бродя ночью подъ звѣзднымъ небомъ, блѣдно простиравшемся надъ твоею темнотою. И всегда сердце мое преклонялось предъ твоимъ духомъ, который послѣ тысячи лѣтъ исторій и тысячи миллионовъ преступлений все еще сохраняетъ свѣжую непорочность пылкого юноши, храбрость доблестной расы и безсмертную вѣру во все, что есть прекраснаго, нѣжнаго и благороднаго въ жизни и искусствѣ. Нѣмцы, какъ бы велика ни была ихъ армія, никогда не могли завладѣть душой Парижа.

ГЛАВА IX.

СОЛДАТЫ ФРАНЦІИ.

Когда въ началѣ войны я видѣлъ солдатъ Франціи, отправлявшихся на фронтъ, я уже тогда былъ убѣжденъ, что боевыя качества французскаго народа не понизились за сорокъ четыре года мира, считая со времени того разгрома, когда вся храбрость солдатъ не могла исправить ошибокъ и преступлений правительства. Впослѣдствіи, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ странствуя по мѣстностямъ, охваченнымъ войной, я мало-по-малу хорошо узналъ французскаго солдата, ведя съ нимъ продолжительныя бесѣды подъ грохотъ пушекъ въ первой линіи окоповъ, въ госпиталяхъ, гдѣ онъ спокойно говорилъ, когда товарищи его засыпали вѣчнымъ сномъ, въ деревняхъ, превращенныхъ артиллерійскимъ огнемъ въ груды развалинъ, въ воинскихъ поѣздахъ, переполненныхъ ранеными, въ лѣсахъ и на поляхъ съ зіяющими ямами, вырытыми „котлами“, и въ ресторанахъ Парижа и провинціальныхъ городовъ, гдѣ съ пустымъ рукавомъ или съ одной ногой подъ скатертью стола, онъ откровенно рассказывалъ мнѣ о своихъ боевыхъ переживаніяхъ, не утаивая истины. Изъ всѣхъ этихъ

дружескихъ встрѣчъ и разговоровъ по душѣ характеръ французскихъ солдатъ встаетъ передо мною въ героическомъ свѣтѣ.

Конечно, индивидуальнo характеръ этихъ солдатъ отличается одинъ отъ другого, какъ отличаются между собой люди въ каждомъ государствѣ, въ каждомъ классѣ общества. Я видѣлъ неврастениковъ, дрожавшихъ въ припадкѣ воображаемыхъ ужасовъ, и людей со стальными нервами, которые были глухи къ страшному реву пушекъ, и ѣли горбушку хлѣба съ сыромъ съ завиднымъ аппетитомъ въ двухъ шагахъ отъ смерти. Я встрѣчалъ аристократовъ и снобовъ въ одномъ и томъ же вагонѣ съ крестьянами и рабочими, грубая рѣчь и безцеремонное отношеніе которыхъ оскорбляли ихъ утонченныя чувства. Война не могла совершенно уничтожить кастовыя различія даже во Франціи, гдѣ равенство—любимое слово, и она не претворила въ одинъ и тотъ же типъ все интеллектуальныя и нравственныя качества, несмотря на дисциплину обязательной службы и тѣ химическіе процессы, которые объединяють плоть и кровь въ тигель битвы. Такимъ образомъ, невозможно говорить о французскомъ солдатѣ, какъ объ единомъ лицѣ или дѣлать широкія обобщенія относительно французской арміи. Трусъ всегда встрѣчается на войнѣ, а человѣкъ съ чистой душой въ рядахъ арміи часто оскорбляетъ безстыдство циника.

Однако, нужно сказать, что изъ всей массы людей, сражающихся за Францію, выступаетъ нѣкій опредѣленный типъ, покрывающій собою все индивидуальныя различія. Я видѣлъ нѣкоторыя свойства, которыя принадлежатъ большинству французскихъ солдатъ и составляютъ существенныя черты народнаго духа Франціи. Напримѣръ, свойственный французамъ патріотизмъ яркимъ блескомъ сияетъ среди всехъ этихъ миллионовъ людей, которые забыли все свои мелочныя личныя интересы ради высокой цѣли защиты Франціи. У Англіи имѣется свой собственный патріотизмъ—мы дали доказательство этого въ потокахъ крови—но онъ не похожъ на патріотизмъ Франціи, не такъ напоминаетъ религію и не такъ страстенъ, не такъ женствененъ. Для большинства французскихъ солдатъ, по крайней мѣрѣ, для всехъ, съ которыми я говорилъ, любовь къ Франціи то же, что вѣра набожнаго католика въ свою церковь. Она не требуетъ доказательствъ. Она считается самой истиной жизни. Она заключаетъ въ себѣ всю красоту французскихъ идеаловъ, все богатство воображенія, всю поэзію и музыку, которыми была проникнута Франція съ начала нашей цивилизаціи, все ея страданія и слезы. Для послѣдняго солдата Франціи „La Patrie“ представляетъ великую мать, проникнутую всей нѣжностью материнской любви,—авторитетомъ материнства, святостью материнства, подобно тому, какъ Святая Дѣва представляется для католика духовной матерью. Возможно, что въ качествѣ одного изъ ея дѣтей, онъ вынесъ очень много, голодалъ и боролся, получилъ много ударовъ, но онъ не потерялъ любви къ своей матери. Мысль о насильственныхъ рукахъ, хватающихся за ея одежды, о вражескихъ ногахъ, попирающихъ ее, о злостныхъ посягательствахъ на ея

свободу и честь приводить его въ такое же бѣшенство, какъ если бы его родной матери, произведшей его на свѣтъ, угрожали бы тѣмъ же самымъ. Онъ не любитъ смерти—онъ страшится мысли о ней—но безъ колебанія онъ бросается впередъ, чтобы спасти свою мать-родину и умираетъ на ея груди съ крикомъ „Vive la France“!

2.

Французскій солдатъ, какъ бы грубъ или деликатенъ онъ ни былъ, всегда нуждается въ утѣшеніи женщины, и всѣ его идеалы, стремленія и жалость къ самому себѣ тѣсно связаны съ женской любовью, особенно же съ любовью одной женщины—его матери. Когда Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ о величій своихъ побѣдъ и затѣмъ мрачно задумывался, вспомнивъ свое трагическое паденіе, и вся его душа была охвачена отчаяніемъ, онъ обыкновенно старался отогнать отъ себя всѣ эти мысли и говорилъ: „Давайте говорить о женщинахъ.... и о любви“. Во время несчастій французъ всегда ищетъ утѣшенія у женщины. Одно маленькое происшествіе, которому я былъ свидѣтелемъ года два тому назадъ, дало мнѣ ключъ къ этой сторонѣ французскаго характера. Это случилось, когда Ведринъ, знаменитый летчикъ, былъ побитъ въ полетѣ вокругъ Англіи. Капитанъ Конно—„Бомонъ“, какъ онъ называлъ себя—обогналъ и дожидался его съ французской галантностью для того, чтобы пожать руку соперника, котораго онъ побѣдилъ въ полетѣ. Большая толпа нарядныхъ мужчинъ и женщинъ ждали также въ Брукландѣ съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать второго въ состязаніи, который въ Англіи всегда болѣе популяренъ, нежели побѣдитель. Но когда Ведринъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ соперника спустился на землю съ голубого неба, онъ былъ взбѣшенъ и золъ. Потеря денежнаго приза была крупнымъ несчастіемъ для этого летчика, который поставилъ на ставку все свое честолюбіе. Онъ выкрикивалъ ругательства по адресу тѣхъ, кто подходилъ къ нему съ привѣтствіями, и отталкивалъ ихъ бѣшено отъ себя, когда они намѣревались похлопать его по спинѣ. Онъ былъ въ злобномъ бѣшенствѣ. Затѣмъ вдругъ какъ будто бы что-то порвалось въ немъ, и его лицо дрогнуло.

— Нѣтъ ли здѣсь женщины, которая обняла бы меня?—спросилъ онъ.

Изъ толпы вышла хорошенькая французенка и, появивъ соотечественника, хотя она раньше и не видала его, простерла къ нему руки и подняла свое лицо.

— Allon donc, mon vieux!*)—сказала она.

Летчикъ обнялъ и поцѣловалъ ее, въ то время какъ слезы струились по его лицу, покрытому потомъ и пылью. Онъ успокоился и утѣшился, подобно мальчику, который ушибся и бро-

*) „Пойдемъ же, старина“.

сился въ объятія своей матери. Это былъ странный эпизодъ, совершенно невозможный для англичанина, но самое обыкновенное явленіе во Франціи.

Когда французъ умираетъ и находится почти безъ сознанія, онъ всегда кричитъ или шепчетъ имя женщины, хотя не всегда имя жены или возлюбленной. Одно слово слышится постоянно въ палатахъ госпиталей, гдѣ лежатъ бородатые „пуалю“ такіе сильные, когда они выступали на войну, и такіе слабые и безпомощные передъ смертію:

— Maman! Maman!

Духъ французъ въ послѣдній часъ стремится къ его матери.

— О, моя милая мамочка,—пишетъ молодой артиллерійскій лейтенантъ,—какъ бы хорошо было попасть опять въ мою комнату, гдѣ вашъ портретъ виситъ надъ моей кроватью и смотреть на бѣлыя подушки, которыя вы крестили прежде, чѣмъ я засыпалъ. Я часто стараюсь увидѣть во снѣ, что я опять въ этой спальнѣ, но здѣсь слишкомъ холодно, чтобы видѣть сны, и снаряды проносятся съ воплемъ надъ моей головой. Война только страданія и бѣдствія.

3.

Однако, если кто-нибудь изъ англійскихъ читателей вообразить себѣ, что благодаря этой чувствительности французскіе солдаты слабы духомъ, онъ глубоко ошибется. Люди, которыхъ я видѣлъ на фронтѣ и въ тылу, были такъ же тверды въ моральномъ и духовномъ смыслѣ, какъ и въ физическомъ. Эта твердость поразила меня уже въ началѣ войны, когда я еще не зналъ такъ хорошо французскаго солдата, какъ знаю теперь. Послѣ нѣсколькихъ недѣль въ строю эти люди, которые были рабочими и мастеровыми, клерками и журналистами, артистами и поэтами, приказчиками магазиновъ и желѣзнодорожными носильщиками, лакеями гостиницъ и юными аристократами Парижа, дурачившимися съ хорошенькими женщинами, были доведены до твердости и гибкости закаленной стали. Сухіе и поджарые—пайки французской арміи меньше, чѣмъ въ нашей—и испытавшіе долгіе переходы по пыльнымъ дорогамъ, непрерывный бой въ отступленіи передъ подавляющими силами непріятеля, нравственную пытку арріергардныхъ боевъ и непередаваемую картину ужасовъ среди убитыхъ и умиравшихъ товарищей, они были проникнуты мужественной красотой, которую я находилъ величественной. Они загорѣли, были грязны и обросли волосами, но у нихъ былъ видъ рыцарей со спокойнымъ сіяніемъ въ глазахъ и твердой настойчивостью въ очертаніяхъ ихъ рта. Среди нихъ не было веселья въ тѣ дни, когда Франція находилась въ страшной опасности, и они не находили ничего забавнаго въ этой войнѣ. Изъ своего огненнаго крещенья они вышли съ опаленными сердцами, зная жестокость и безчеловѣчность того дѣла, которому они должны были служить, но хотя они и не скрывали своего отвра-

щенья къ нему, ни тѣхъ ужасовъ, которые они испытывали, ни своего страстнаго гнѣва противъ народа, который навлекъ на нихъ эту войну, они не проявляли никакихъ признаковъ слабости. Они были готовы умереть за Францію, хотя они ненавидѣли смерть и, несмотря на первый страшный натискъ нѣмецкихъ полчищъ, они чувствовали интеллектуальное презрѣніе къ арміи врага, казавшееся имъ тогда несправедливымъ, хотя они и были правы въ этомъ, какъ показало дальнѣйшее. Они были выше нѣмцевъ по храбрости и ловкости, были выше въ артиллерійскомъ бою, выше въ кавалерійскихъ и штыковыхъ атакахъ, и сражаясь противъ равнаго имъ числа враговъ, они были неодолимы.

Въ Англіи существовало скрытое убѣжденіе, выражаемое потихоньку въ клубахъ и женщинами надъ своимъ вязаньемъ, что французскіе солдаты были жалкими воинами, полными сентиментальности и хвастовства, съ высокими словами на устахъ, но съ малымъ запасомъ мужества въ ихъ сердцахъ. Британскіе солдаты, возвратившіеся домой послѣ первыхъ сраженій и трехнедѣльнаго аррьергарднаго боя, распустили сказку о томъ, что „эти французшкіе никуда не годятся и бѣгутъ передъ нѣмцами какъ кролики“. Они ничего не знали за исключеніемъ того, что они видѣли въ своихъ окопахъ. Они были поражены чудовищнымъ ужасомъ современной войны, а кромѣ того они были проникнуты раздраженіемъ и непріязнью къ французамъ за то, что тѣ не поддерживали ихъ въ продолженіе трехъ недѣль въ августѣ между Шарлруа и Компьенемъ. Впослѣдствіи англійская печать, стараясь вполнѣ естественно указать на героическіе подвиги нашихъ войскъ во Франціи и помѣщая только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что происходило на французскомъ фронтѣ, представила общее положеніе въ искаженномъ видѣ и изобразила всю картину войны внѣ фокуса, подобно изображенію зрителя въ выгнутомъ зеркалѣ. Значеніе британской экспедиціонной арміи было крайне преувеличено не потому, что ея значеніе было раздута, а просто потому, что на дѣйствія французовъ обращалось весьма мало вниманія. До сихъ поръ въ Англіи находятся люди, которые проникнуты убѣжденіемъ или благочестивой и страстной вѣрой, что наши солдаты выдержали всѣ атаки нѣмецкой арміи, въ то время какъ французы только смотрѣли и благодарили Бога за оказанную имъ помощь. Тотъ фактъ, что мы занимали фронтъ только въ тридцать миль въ продолженіе девяти мѣсяцевъ войны, и что французы успѣшно удерживали линію въ пятьсотъ миль противъ повторныхъ яростныхъ атакъ непріятеля, ни разу не приходявъ въ голову многимъ честнымъ душамъ въ Англіи, которыя были преисполнены патріотической гордостью при мысли о героизмѣ британскихъ войскъ сообразно старой традиціи о томъ „Какъ Англія спасла Европу“.

4.

Да, ничто не можетъ умалить значенія нашей помощи Франціи. Могилы нашихъ солдатъ будутъ служить памятниками того,

что мы сдѣлали для Франціи. Но Англія должна знать, что совершила въ свою защиту Франція, и понять стойкій героизмъ французовъ, вставшихъ послѣ первыхъ ошибокъ стальной стѣной, о которую разбилась огромнѣйшая боевая машина въ Европѣ.

На протяженіи всего этого фронта въ пятьсотъ миль длиною нѣтъ мили, гдѣ не происходила бы битва, и нѣтъ ни одной мили, гдѣ не было бы могилы молодого француза, который бился съ вѣрой мученика, равнодушный къ сохраненію своей жизни. Уже къ концу сентября 1914 года я встрѣчался съ солдатами, стоявшими на восточной границѣ, которые имѣли право называться ветеранами, такъ какъ они дрались непрерывно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ безчисленныхъ стычкахъ и сраженіяхъ, по большей части не занесенныхъ на страницы газетъ.

Вначалѣ они были молодцоватыми солдатами, чисто выбритыми и даже щеголеватыми въ ихъ новыхъ синихъ шинеляхъ и красныхъ панталонахъ. Теперь война положила на нихъ слой грязи и какъ будто состарила ихъ лѣтъ на пятнадцать, оставивъ свой неизгладимый отпечатокъ на ихъ лицахъ. Щетина небритыхъ волосъ покрывала ихъ подбородки, и ихъ щеки ввалились послѣ скудной пищи въ окопахъ и бессонныхъ ночей на поляхъ битвъ съ мертвыми, лежавшими съ ними рядомъ. Ихъ синія шинели превратились въ грязно-сѣрыя. Ихъ ярко-красные панталоны были запачканы багровыми пятнами крови ихъ товарищей. Они были оборваны и перепачканы грязью и тиной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были закалены въ лишеніяхъ, хотя иногда одинъ изъ нихъ кашлялъ, задыхаясь отъ бронхита, или былъ блѣденъ отъ чрезмѣрной усталости.

Въ лѣсистой мѣстности двухъ „Утраченныхъ провинцій“ рѣдко приходилось хоронить мертвыхъ, загромождавшихъ холмы и поля, да и времени для этого не было. Въ теченіе шести недѣль съ начала войны ужасъ царилъ въ областяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Мёрта, между деревнями Бламонъ и Бадонвиллье, Сирэ-ла-Форжъ и Арракуръ, Шато-Салэнъ и Водрекуръ. Склоны Гартмансвейлеркопфа были омыты волнами крови, которая струилась по нимъ болѣе девяти мѣсяцевъ до окончательнаго захвата этой горы французами Сентъ-Миэль и Лезъ-Эпаржъ и тотъ треугольникъ, который нѣмцы вбили между французскими позиціями, былъ мѣстомъ ужасающей бойни, прежде чѣмъ листья облетѣли съ деревьевъ въ первый годъ войны. Въ Аргоннахъ люди дрались какъ волки, и тамъ началась партизанская борьба небольшихъ отрядовъ, сражавшихся отъ дерева до дерева, отъ одной деревни до другой, при чемъ отряды обоихъ противниковъ были разбросаны по широкой площади впереди главныхъ силъ. Тамъ они зарывались въ окопы, изъ которыхъ выползали по ночамъ, подкрадывались къ непріятельскимъ позиціямъ, бросаясь другъ на друга, дѣйствуя штыками и прикладами, звѣрски убивая одинъ другого безъ жалости и въ сумасшедшей ярости ужаса, который представляетъ изъ себя самый бѣшеный родъ храбрости. Въ Лотарингіи война проходила неоднократно по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, и ни та, ни другая сторона не подбирала своихъ

убитыхъ, или раненыхъ. Люди лежали тамъ живыми цѣлыми днями и ночами, медленно истекая кровью, пока не умирали. Горячее солнце жгло ихъ, и жажда доводила ихъ до сумасшествия, такъ что они пили свою мочу и несвязно бормотали въ дикомъ бреду. Нѣкоторые изъ нихъ лежали тамъ въ теченіе трехъ недѣль, все еще живые, съ членами, пораженными гангреной, въ которыхъ ползали вши, и отъ этихъ несчастныхъ исходило отвратительное зловоніе.

— Я не могу описать вамъ всего, что я видѣлъ,—сказалъ мнѣ одинъ молодой солдатъ, который ѣхалъ со мной изъ Лотарингіи.

У него было странное выраженіе въ глазахъ, когда онъ произнесъ эти слова, и онъ старался скрыть его, отвернувшись отъ меня въ сторону. Но онъ разсказалъ мнѣ, какъ поля были усыяны мертвыми, разложившимися и покрытыми мухами, причемъ трупы лежали скорчившись, но нѣкоторые изъ нихъ были въ такомъ положеніи, что ихъ открытые глаза были неподвижно устремлены на тѣ трупы, что находились рядомъ съ ними. И онъ разсказалъ мнѣ, какъ въ ту ночь, когда онъ самъ былъ раненъ, французскіе и нѣмецкіе солдаты еще не умершіе, говорили въ одно и то же время при свѣтѣ луны, которая проливала свое блѣдное сіяніе на всѣхъ этихъ распростертыхъ на землѣ людей, придавая ихъ лицамъ мертвенно блѣдный оттѣнокъ. Онъ слышалъ кругомъ шопотъ голосовъ и стоны умиравшихъ, поднимавшіеся до ужасающихъ воплей. Въ эту ночь вражда была забыта тѣми людьми, которые дрались какъ звѣри и теперь лежали и мучились. Французскій солдатъ далъ свою флягу съ водой нѣмецкому офицеру, который кричалъ отъ жажды. Нѣмецъ отпилъ немного и затѣмъ поцѣловалъ руку того, кто былъ его врагомъ. „На томъ свѣтѣ не будетъ войны“, сказалъ онъ.

Другой солдатъ, уроженецъ Монмартра, нашелъ въ двухъ шагахъ отъ себя люксембургца, котораго онъ зналъ, какъ посыльнаго въ огромномъ парижскомъ отелѣ. Молодой нѣмецъ заплакалъ, увидавъ своего стараго знакомаго. „Эта война—глупость“, сказалъ онъ. „Вы и я, мы были счастливы, когда мы были пріятелями въ Парижѣ. Затѣмъ насъ заставили драться другъ съ другомъ?“ Онъ умеръ, охвативъ руками шею солдата, который разсказалъ мнѣ объ этомъ, не стыдяся своихъ слезъ.

За недѣлю этой встрѣчи шею того же солдата охватывали руки нѣмецкаго офицера на полѣ битвы во время одной изъ безчисленныхъ стычекъ, которыя происходили за четыре дня до французскаго отступленія. Снарядъ раздробилъ обѣ ноги этому молодому нѣмцу, получившему кромѣ того еще нѣсколько ранъ. У него хватило силы жалобно застонать, но когда солдатъ поднималъ его, смерть уже ждала несчастнаго.

— Онъ весь сгнилъ,—сказалъ солдатъ.—Отъ него шелъ такой отвратительный запахъ, что я чуть не выронилъ его, и меня рвало, когда я тащилъ его.

Я узналъ кое-что изъ психологіи французскаго солдата отъ того молодого пѣхотинца, вмѣстѣ съ которымъ я ѣхалъ въ поѣздѣ, набитомъ ранеными, векорѣ послѣ той ночи въ Лота-

рингии, когда мѣсяцъ свѣтилъ на поле, устѣянное мертвыми и умирающими, гдѣ и онъ лежалъ съ перебитой ногой. Онъ держалъ страшное испытаніе. Его нервы были сильно распатаны, и мнѣ казалось, что онъ боялся сойти съ ума при воспоминаніи о томъ, что онъ видѣлъ и выстрадалъ, такъ какъ онъ старался принудить себя говорить о тривіальныхъ вещахъ, какъ-то о красотѣ цвѣтовъ, растущихъ рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги, и о гербахъ на англійскихъ фуражкахъ. Но затѣмъ онъ опять возвращался къ своему разсказу о бояхъ въ Лотарингии и продолжалъ свой длинный и быстрый монологъ, въ которомъ одна за другой пробѣгали картины ужаса, какъ будто его умъ былъ кинематографъ, показывающій мелодраму. Странные отрывки философіи прерывали его разсказъ. „Эту войну только потому и можно вынести, что она создастъ окончательный миръ въ Европѣ“. „Люди откажутся выносить такія страданія въ другой разъ“. „Это конецъ милитаризма“. „Если бы я думалъ, что мой маленькій сынъ долженъ испытать все то, что я вынесъ, я задумалъ бы его въ колыбели, чтобы спасти его отъ этого ужаса“.

По временамъ онъ говорилъ о Франціи съ религіознымъ чувствомъ въ глазахъ.

— Конечно, я готовъ умереть за Францію. Она по праву можетъ потребовать мою жизнь. Я принадлежу ей, и она можетъ сдѣлать со мной, что ей угодно. Сражаться въ ея защиту—мой долгъ, и хотя я говорю вамъ, мосье, всякіе ужасы о войнѣ, я вовсе не хочу сказать, что я не радъ былъ сдѣлать все, что отъ меня требовалось. Черезъ нѣсколько недѣль моя рана залѣчится, и ради Франціи я снова пойду въ этотъ адъ. Это адъ, quand même!

Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ страхахъ съ простой откровенностью и признавался, что много разъ мучился всего больше благодаря воображаемымъ ужасамъ. Послѣ нѣмецкаго отступленія отъ Люневиля, онъ былъ поставленъ въ передовую цѣпь. Когда онъ стоялъ ночью, опершись на ружье, онъ увидалъ черныя фигуры, двигавшіяся на него. Онъ поднялъ свое ружье и палецъ его дрожалъ на спускѣ ружья. При первомъ выстрѣлѣ онъ поднялъ бы на ноги батальонъ, который находился вблизи него. Солдаты спали, но такъ, какъ спятъ въ ожиданіи атаки. Они, конечно, стали бы стрѣлять, не дожидаясь дальнѣйшаго, и по всей вѣроятности онъ первый погибъ бы отъ пуль своихъ. Что это было? Непріатель? Фигуры направлялись прямо къ французамъ. Переднія изъ нихъ были уже въ двадцати ярдахъ отъ него. Нервы его были напряжены до чрезвычайности. Его бросало въ жаръ, и онъ покрывался потомъ. Его глаза заболѣли отъ напряженія, когда онъ старался проникнуть въ окружавшій его мракъ. Онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе выстрѣлить и закричать, чтобы покончить съ неопредѣленностью, которая мучила его душу. Наконецъ, онъ окликнулъ приближавшихся, удержавшись отъ выстрѣла. И хорошо сдѣлалъ. Это были солдаты одного французскаго полка, перемѣнявшаго свои позиціи подъ покровомъ ночи. Если бы онъ потерялъ голову и выстрѣ-

лилѣ, приближавшіеся къ нему солдаты были бы убиты своими же товарищами.

„Болѣе всего страдаешь отъ воображенія“, сказали онѣ, и я вспомнилъ слова одного англійскаго офицера, который сказалъ мнѣ однажды, что люди съ сильнымъ воображеніемъ не должны быть на этой войнѣ. Благодаря именно этой причинѣ, т.-е. сильно развитому воображенію, французскіе солдаты страдаютъ гораздо больше, чѣмъ ихъ англійскіе товарищи.

Французы видятъ рискъ болѣе живо, хотя они и встрѣчаютъ опасность мужественно. Они болѣе чувствительны къ зрѣлищамъ и звукамъ сраженія, нежели обыкновенный англійскій „Томми“, который обладаетъ болѣе хладнокровнымъ темпераментомъ и не позволяетъ своимъ мыслямъ останавливаться на крови и мученіяхъ. У французовъ также имѣется даръ самоанализа и умѣнье описывать свои впечатлѣнія, такъ что они способны переводить свои чувствованія на языкахъ живыхъ словъ, тогда какъ наши солдаты по большей части молчатъ о своихъ чувствахъ и рассказываютъ о прошломъ объективно, смотря внѣ себя, а не въ себя.

5.

Нѣкоторые изъ солдатскихъ писемъ, нацарапанныхъ въ грязи траншей, представляютъ изъ себя документы, въ которыхъ французскіе солдаты говорятъ о себѣ съ необыкновенной откровенностью и въ которыхъ они излагаютъ всю правду, не скрывая своего ужаса и жажды крови въ дикомъ сумасшествіи штыковыхъ атакъ, ни той тоски, которая нападаетъ на нихъ, когда они думаютъ о женщинахъ, которыхъ они любятъ, ни тѣхъ странныхъ чувствъ, которыя охватываютъ ихъ въ страшные часы битвъ. Они наблюдаютъ восходъ солнца и улавливаютъ его красоту въ нѣсколькихъ строкахъ своихъ писемъ. Они описываютъ съ литературнымъ умѣньемъ, вызываемымъ силой душевныхъ волненій, мракъ и ужасъ долгихъ ночей рядомъ съ окопами врага, откуда каждое мгновеніе можно ждать новой атаки. И все же, хотя они и не скрываютъ моментовъ упадка духа и отчаянія, во всѣхъ ихъ письмахъ чувствуется великолѣпная храбрость людей, которые готовы принести себя въ жертву родинѣ и жаждутъ показать свою доблесть.

„Я пишу это письмо“, пишетъ молодой зуавъ, „прячась подъ кучкой земли въ двадцати ярдахъ отъ нѣмецкой траншеи и находясь въ худшемъ положеніи, нежели кроликъ въ своей норѣ, потому что, когда охотникъ уйдетъ, кроликъ можетъ выйти и щипать травку въ свое удовольствіе. Ты, старый другъ, находишься въ такихъ же мучительныхъ условіяхъ и ты долженъ знать и обрадоваться, что произведенъ въ унтеръ-офицеры въ ночь на 13 ноября на берегахъ Изера. Намъ осталось въ ротѣ семьдесятъ человѣкъ изъ 200, остальные спятъ вѣчнымъ сномъ около дома перевозчика, который прославленъ газетами.... Какія правдивныя страданія я вынесъ! Теперь насъ перевели къ югу отъ Изера,

и мы продолжаем вести унылую жизнь въ передовыхъ окопахъ. У насъ нѣтъ ни минуты отдыха: снаряды, бомбы и пули падаютъ вокругъ насъ непрерывно. Какъ измѣнилась храбрость въ современной войнѣ! Герой прежнихъ временъ принималъ красивую позу и какъ бы игралъ для галерки, потому что онъ дрался передъ восхищавшимися имъ зрителями. Въ настоящее время, если не считать смертоносныхъ ночныхъ атакъ, въ которыхъ храбрости не видно, такъ какъ едва ли можно разсмотрѣть своего со-сѣда, наша доблесть состоитъ исключительно въ стоицизмѣ. Только что сейчасъ у меня убили одного изъ солдатъ около бойницы. Товарищи оттащили его въ сторону и совершенно спокойно замѣнили выбывшаго навсегда изъ строя другимъ солдатомъ. Развѣ это не храбрость? Развѣ не храбрость получить прямо въ лицо мозга товарища и затѣмъ стоять на стражѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ павшій, невыносимо страдая отъ холода и сырости?... Въ ночь на 13-е я командовалъ отрядомъ труповъ, во что превратилъ моихъ товарищей огонь пулемета. Мнѣ повезло, я избѣгнулъ смерти и закричалъ этимъ бѣднякамъ, чтобы они шли послѣдній разъ на штурмъ. Тогда я понялъ, что случилось, и увидалъ, что мое ружье сломано, и моя одежда вся въ лохмотьяхъ. Командиръ говорилъ со мной ночью и сказалъ: „Лучше перемѣните вашу одежду. Вы можете теперь пришить къ рукавамъ нашивки унтеръ-офицера“.

Одно мѣсто въ письмѣ этого молодого зуава указываетъ на то, какъ тяжела эта война для духа французъ. „Наша храбрость состоитъ исключительно въ стоицизмѣ“. Это не тотъ родъ храбрости, который соответствуетъ французскому темпераменту, и сидѣть въ траншеѣ мѣсяцами, безъ движенія, ожидая смерти подъ дождемъ снарядовъ, представляетъ изъ себя самое тяжелое испытаніе для души французскаго солдата. Все же онъ подчинился своей судьбѣ и твердо держится вдоль линіи окоповъ на протяженіи 500 миль съ такимъ терпѣніемъ и выносливостью, которыми не повѣрилъ бы ни одинъ критикъ Франціи до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ доказательствъ этого.

„Много труповъ все еще лежитъ между окопами“, пишетъ одинъ солдатъ, „и у насъ нѣтъ возможности подобрать ихъ. Это страшное зрѣлище постоянно у насъ передъ глазами. Нѣкоторые изъ труповъ совершенно цѣлы, а другіе разорваны на части снарядами, которые продолжаютъ падать на нихъ. Зловоніе этого разложившагося мяса распространяется кругомъ и доносится до насъ. Куски гніющихъ труповъ летятъ намъ въ лицо или надъ нашими головами, когда взрываются новые снаряды и разбрасываютъ ихъ во всѣ стороны. Мы какъ будто бы живемъ на кладбищѣ, гдѣ дьяволы забавляются тѣмъ, что бросаютъ мясо мертвецовъ въ живыхъ людей со злобной насмѣшкой. Запахъ гніющихъ труповъ пропитываетъ нашу пищу и наши души, такъ что мы больны духовно и физически. Такова война“.

„Эта ужасная потѣха ведется со всей страстью въ нашемъ углу“, пишетъ другой солдатъ. „Въ теченіе семидесяти четырехъ дней мы продвинулись на 1200 ярдовъ. Это скажетъ вамъ все.“

Мы подвигаемся впередъ, такъ сказать, по одному дюйму и теперь мы всё знаемъ, чего стоитъ вернуть обратно кусочекъ Франціи“.

6.

Смерть не прерывала своей жатвы вдоль французскихъ окоповъ, несмотря ни на какую погоду, и хотя цѣлыми мѣсяцами не было наступленія ни съ той, ни съ другой стороны, ни одного дня не проходило безъ того, чтобы не дать новой работы для докторовъ, санитаровъ и могильщиковъ. Одинъ фактъ можетъ служить показателемъ того, что дѣлается въ госпиталяхъ рядомъ съ фронтомъ. О немъ говорить письмо сестры милосердія къ ея пріятельницѣ въ Парижѣ.

„Около полудня намъ привезли раненаго генерала, котораго мы устроили въ маленькой комнаткѣ, какъ было только возможно удобнѣе. Хотя страданія его и были ужасны, онъ не пожелалъ, чтобы на него обращали особое вниманіе, и только думалъ о томъ, чтобы его два офицера были помѣщены какъ можно лучше. Случайно черезъ нѣсколько минутъ въ госпиталь былъ привезенъ солдатъ его полка. Генераль обрадовался этому, потому что онъ могъ узнать сразу, что случилось съ его молодцами. Онъ потребовалъ немедленно къ себѣ солдата.

„Скажите мнѣ, что командиръ?“

„Убить, mon général“.

„А капитанъ?“

„Убить, mon général“.

„Четыре раза задавался вопросъ, и четыре раза солдатъ, голосъ котораго становился все глуше и печальнѣе, отвѣчалъ то же самое. Тогда генераль опустилъ голову и больше не спрашивалъ. Мы увидѣли, какъ слезы побѣжали по его покрытому шрамами лицу, и мы вышли изъ комнаты на ципочкахъ“.

7.

Несмотря на всё ужасы войны, французскій солдатъ, въ душу котораго глубоко запала эта трагедія, и который никогда ея не забудетъ, писалъ домой съ той бодростью, которая проходить красной нитью черезъ горькія сцены его воспоминаній. Интересно прочесть новыя „Lettres de mon moulin“ *), написанныя молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, занимавшемъ старую мельницу на очень важномъ пунктѣ. Письма были адресованы его „милой мамочкѣ“, и думая о всѣхъ тѣхъ хорошенькихъ ручкахъ, которыя вязали и шили для него, онъ описываетъ свои попытки согрѣться, когда онъ надѣлъ присланныя вещи.

„Сегодня ночью я навьючилъ на мое грѣшное тѣло фланелевый жилетъ, фланелевую рубашку и фланелевый поясъ, обвязавъ

*) „Письма съ моей мельницы“.

его три раза вокруг живота, жилетъ съ рукавами, посланный мнѣ самой мамочкой, кожаный жилетъ, полученный отъ тети Шарлотты, шерстяной жилетъ, посланный мнѣ неизвестной матерью одного молодого драгуна, теплую куртку, полученную недавно отъ моего портного, и шерстяную фуфайку и одѣяло, связанные мадамъ П. Ж. Такимъ образомъ я готовъ отойти мирно ко сну, если боши великодушно позволяютъ мнѣ спать“.

Непріятель не часто позволялъ спать этому юному джентльмену, и снаряды рвались все время около мельницы.

Въ одно воскресное утро снаряды чуть не разбили маленькой церкви, выстроенной въ двѣнадцатомъ столѣтіи, куда явился со своей мельницы молодой офицеръ, чтобы присутствовать на мессѣ, гдѣ солдаты пѣли хоромъ, а служилъ солдатъ подъ аккомпаниментъ гармоніума, на которомъ игралъ другой солдатъ. Окна были выбиты, и красивый старый домъ рядомъ съ церковью лежалъ въ развалинахъ.

Офицеръ проводилъ одинокіе часы на своей мельницѣ возлѣ телефоннаго аппарата, корректируя стрѣльбу батарей. Солдаты въ окопахъ и около пушекъ въ ямахъ знали объ его одиночествѣ и изобрѣли способъ развлечь его. Такимъ образомъ, послѣ того какъ наступала ночная тьма, и канонада стихала, онъ прикладывалъ телефонную трубку къ ушамъ и слушалъ тирольскую пѣсенку, которую пѣлъ вѣстовой, удивительное подражаніе собачьему лаю, исполняемое саперомъ, и парижскую шансонетку, великолепно исполнявшуюся авиаторомъ.

„Bonne nuit, maman“ *), заканчивалъ артиллерійскій офицеръ каждое свое письмо съ мельницы.

8.

За малымъ исключеніемъ линія фронта не измѣнялась цѣлыми мѣсяцами, но во многихъ пунктахъ этой линіи происходили отчаянныя битвы, по временамъ штыковыя атаки и ужасающая рѣзня, когда люди приходили въ бѣшенство отъ вида крови и убивали съ наслажденіемъ.

Около Стэнбака была небольшая ферма, вокругъ которой много дней свирѣпствовала битва. Къ ней вела дорога, проходившая по оврагу, занятая непріателемъ, и однажды пѣмцы поставили на дорогу жителей изъ захваченной ими деревни для того, чтобы предотвратить атаку французовъ.

„Среди нихъ мы могли видѣть женщину, съ волосами, падающими на плечи, и съ руками, завязанными за спиной. Эта новая гнусность воспламенила нашихъ солдатъ. Рота кинулась впередъ съ примкнутыми штыками. Дорога къ фермѣ яростно обстрѣливалась непріателемъ, но ничто не могло остановить нашихъ людей. Несмотря на потери, мы захватили позицію и овладѣли фермой. Въ этотъ моментъ не было пощады врагамъ“.

*) „Спокойной ночи, мама!“

Въ нѣкоторыхъ изъ окоповъ непріятеля происходили ужасающія сцены. Одно изъ самыхъ страшныхъ зрѣлищъ французы видѣли въ Апремонскомъ лѣсу въ дистриктѣ Вевра, гдѣ непріятель сильно укрѣпился въ каменоломняхъ, совсѣмъ рядомъ съ французскими окопами, которые постепенно приближались къ ямамъ, занятымъ нѣмцами. Когда умолкалъ ружейный огонь, французскіе солдаты часто слышали пѣніе. Иногда покрывая голоса нѣмцевъ, раздавался рядъ пронзительныхъ воплей, похожихъ на страшный жалобный крикъ совы, за которымъ слѣдовалъ дикій леденящій кровь хохотъ. Это былъ голосъ сумасшедшей женщины, одной изъ тѣхъ, что были захвачены въ сосѣднихъ деревняхъ и приведены нѣмцами въ траншеи. Однажды нѣмецкіе солдаты пронесли ее по всей длинѣ ихъ окоповъ. Выше уровня почвы видна была только одна ея голова. На ней была надѣта нѣмецкая каска, пряди волосъ развѣвались вокругъ ея мертвенно блѣднаго лица, и это ужасное зрѣлище казалось какъ бы адскимъ видѣніемъ, когда она двигалась то съ дикими криками, то съ безумнымъ хохотомъ.

Чувствуешь глубокое облегченіе, отворачиваясь отъ этихъ ужасовъ и останавливаясь на героизмѣ французскаго солдата, на преданности его своимъ офицерамъ, на его письмахъ къ *chère maman*, передъ которой его сердце всегда остается какъ бы сердцемъ ребенка, на вѣрѣ, которая спасаетъ людей по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе грубыхъ и жестокихъ поступковъ, совершаемыхъ на войнѣ.

9.

Духъ д'Артаньяна все еще живъ. По дорогамъ Франціи я встрѣчалъ веселыхъ ребятъ, чья храбрость напоминала смѣющуюся храбрость знаменитаго мушкетера и его гасконскую отвагу, которая обращаетъ въ шутку самую смерть. Несмотря на всѣ ужасы современной войны съ ея губительнымъ артиллерійскимъ огнемъ и съ ея чудовищными пушками, французскій солдатъ обыкновенно сохраняетъ въ себѣ тѣ свойства юности, которыя парятъ высоко надъ грязью и бѣдствіями жизни въ окопахъ.

Характеръ юнаго лейтенанта артиллеріи, который пришелъ замѣстить бѣднягу, убитаго около своего заряднаго ящика, является типичнымъ для огромнаго большинства французскихъ солдатъ. Онъ представился своимъ солдатамъ въ самой изысканной формѣ, обратился къ своей батарее съ маленькой рѣчью, которая заставила всѣхъ солдатъ хохотать, и затѣмъ пожалъ руку каждому изъ нихъ. На слѣдующій день онъ уже зналъ каждого по имени, сталъ обращаться къ нимъ на „ты“ и завоевалъ ихъ сердца своими беззаботными манерами и улыбкой, которая показывала, что жизнь для него забава. Все было шуткой для него. Онъ окрестилъ свои четыре пушки нелѣпыми именами и особенно полюбилъ старую „Громыхалку“, на которой были слѣды нѣмецкихъ снарядовъ. Капитанъ прозвалъ этого юнаго джентльмена лейтенантомъ Маскотъ, такъ какъ ему посто-

янно везло. Онъ направлялъ свои пушки съ удивительнымъ умѣньемъ. Нѣмецкая батарея должна была поспѣшно сняться съ мѣста черезъ пять минутъ послѣ его перваго выстрѣла, и когда непріятельскія пушки смолкли, онъ крикнулъ телефонисту „не кудахтайте больше“. Таковъ былъ его приказъ о пріостановкѣ огня.

Одинъ разъ лейтенантъ Маскотъ вскочилъ на стогъ сѣна, чтобы направлять огонь своей батареи, и тотчасъ же послѣ этого нѣмецкій снарядъ разорвался надъ нимъ и разбросалъ часть стога по всѣмъ направлѣніямъ. Это былъ мучительный моментъ для зрителей. Капитанъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и артиллеристы продолжали заряжать орудія автоматически, съ опечаленными лицами. Телефонистъ высунулъ голову изъ своей ямы. Онъ смотрѣлъ на развалившійся стогъ. Безъ сомнѣнія мосье Маскотъ былъ мертвъ. Внезапно телефонистъ какъ бы преобразился, слушая въ трубку, и началъ кричать: „не кудахтайте больше!“ Лейтенантъ послалъ ему обычный приказъ. Черезъ десять минутъ самъ лейтенантъ вернулся къ орудіямъ, весело хохоча, и послѣ того, какъ онъ сбросилъ солому съ своего грязнаго мундира, онъ поласкалъ рукой старую „Громыхалку“, которая раздробила непріятельскую батарею. Капитанъ горячо обнялъ его...

10.

Духъ юности и вѣры не можетъ прикрыть всѣхъ ужасовъ войны и не можетъ искупить преступленія, въ которомъ замѣшано все человѣчество, точно такъ же, какъ и не можетъ прекратить массоваго убійства, которое продолжается непрерывно. Однако юность и вѣра ярко сіяютъ изъ окружающаго ихъ мрака и дѣлаютъ убійство не такимъ уже чудовищнымъ. Эта война не могла погубить душу Франціи, и нѣмецкія пушки, уничтожая красоту старыхъ городовъ и покрывая поля сѣвера трупами молодежи, не могли побѣдить этого народа, который со всѣми своими недостатками и страстями, скрываетъ въ себѣ духовный пылъ, ставящій его выше жалкой повседневности жизни.

Солдаты Франціи испили полную чашу страданій, и поэтому нельзя осуждать ихъ смѣхъ, какъ бы ни грубо было ихъ веселіе. Ихъ арміи отъ Ипра до Сенъ-Миѣмъ должны были выказать больше храбрости и выносливости, чѣмъ требовалось отъ узниковъ въ средне-вѣковыхъ камерахъ пытокъ, и они прошли черезъ это испытаніе съ героизмомъ, который представляетъ изъ себя одну изъ блестящихъ страницъ исторіи. Однако до сихъ поръ исторія записывается только въ короткихъ сообщеніяхъ, сухо констатируя факты. Напримѣръ, въ мартѣ 1915 года было опубликовано слѣдующее: „Въ Маланкурскомъ лѣсу между Аргономъ и Маасомъ непріятель направилъ на одну изъ нашихъ траншей горючую жидкость, такъ что траншею пришлось оставить. Занимавшіе траншею получили тяжкіе ожоги“. Это официальное сообщеніе не даетъ никакого понятія о томъ ужасѣ,

который испытали очевидцы новой нѣмецкой системы захвата траншей. Больше подробный рассказъ объ этой первой атакѣ жидкимъ огнемъ даетъ одинъ изъ солдатъ.

„Это произошло вчера, какъ только стемнѣло. Весь день прошелъ довольно спокойно. Какъ всегда надъ нами рвались снаряды, и ничто не предвѣщало нѣмецкой атаки. Неожиданно одинъ изъ моихъ товарищей закричалъ: „Смотрите! Что это такое? Кажется, это нефть“. Мы не могли повѣрить его словамъ, но жидкость, которая начала обливаться на насъ, дѣйствительно была похожа на нефть. Нѣмцы поливали насъ изъ насосовъ. Нашъ лейтенантъ велѣлъ намъ погасить наши трубки. Но это была излишняя предосторожность. Черезъ нѣсколько секундъ воспламеняющія бомбы начали падать на насъ и вся траншея была охвачена пламенемъ. У насъ начался настоящій адъ. Нѣкоторые изъ солдатъ начали ужасно кричать, срывая съ себя одежду, стараясь потушить огонь. Другіе посылали проклятія, задыхаясь въ горячемъ чаду, который душилъ насъ. „Иисусе Христе!—вскричалъ одинъ изъ моихъ товарищей,—я ослѣпъ“. Для того, чтобы завершить свое адское дѣло, эти нѣмецкіе бандиты, воспользовавшись нашимъ замѣшательствомъ, подкрались къ траншеѣ и бросили въ нее горящія факелы. Ни одинъ изъ насъ не избѣжалъ этого огненного потока. Наши брови и рѣсницы были опалены, большая часть нашей одежды сгорѣла, и наши тѣла шипѣли подобно жарившемуся мясу. Все-таки нѣкоторые изъ насъ начали стрѣлять въ масляный дымъ, стоявшій облакомъ надъ нами, и нѣкоторые изъ этихъ дьяволовъ заплатились за свои грѣхи“.

Хотя нѣсколько защитниковъ траншеи обратились въ пылающіе факелы, а другіе лежали обгорѣлыми трупами, траншея не была оставлена до тѣхъ поръ, пока вторая линія французовъ не успѣла кинуться въ контръ-атаку. Разъяренные, благодаря воплямъ и стонамъ, доносившимся изъ пылающей ямы, гдѣ лежали ихъ товарищи, французы съ яростью дикихъ звѣрей бросились на врага, который бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ триста мертвыхъ и раненыхъ.

11.

На протяженіи пятисотъ миль по всему фронту отъ Артуа до Аргонна такіа сцены слѣдовали одна за другой, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, не всегда съ горючей жидкостью, но съ ручными гранатами, бомбами, снарядами съ удушливымъ газомъ, воспламеняющими бомбами, снарядами, выпускающими облака дыма, и градомъ шрапнели. Убийственная монотонность жизни въ сырыхъ траншеяхъ, гдѣ продрогшіе люди сидѣли, скорчившись въ грязи, испытывая голодъ и тоску, не смѣя высунуть головы изъ окоповъ хотя бы на секунду, прерывалась только атаками и контръ-атаками, когда давался приказъ выйти изъ окоповъ и кинуться впередъ ярдовъ на сто, при чемъ шансовъ на жизнь было гораздо меньше, нежели шансовъ на смерть.

Вотъ какъ французскій солдатъ описываетъ одну изъ такихъ атакъ:

„Взводъ пѣхоты залегъ съ утра на опушкѣ лѣса, ожидая приказа взять приступомъ ту несложную и грозную позицію, которая состоитъ изъ колючей проволоки впереди непріятельскихъ окоповъ. Пушки гремятъ съ полудня непрерывно, сметая все на землѣ. Нѣмцы отвѣчаютъ страшными ударами, и такъ идетъ артиллерійская дуэль, служащая вступленіемъ къ атакѣ. Каждый знаетъ, что, когда замолчатъ пушки, прозвучитъ короткая команда, общая смерть. Однако, солдаты спокойно говорятъ другъ съ другомъ, и между ними находятся и такіе, которые въ минуту грозящей гибели находятъ какое-то мучительное удовольствіе, смягчающее ихъ тоску, въ томъ, чтобы вызвать въ памяти тѣ дорогія имъ существа, которыхъ, возможно, они больше никогда не увидятъ. Я слышу, какъ огромный бѣлокурый парень повѣствуетъ сосѣдямъ о своей маленькой восьмилѣтней дочуркѣ. Сухой трескъ прерываетъ его рассказъ. Телефонъ, установленный на деревѣ, вызываетъ лейтенанта. Въ тотъ же самый моментъ артиллерія выпускаетъ одинъ за другимъ нѣсколько снарядовъ, и затѣмъ наступаетъ тишина. Офицеръ вынимаетъ свои часы, ждетъ, пока не пройдутъ десять минутъ, и затѣмъ говоритъ: „Поднимайся“ такъ же спокойно, какъ капралъ произноситъ „смирно“ на ученьѣ. Это приказъ итти впередъ. Каждый понимаетъ, въ чемъ дѣло, и встаетъ за исключеніемъ пяти человѣкъ, которыхъ приковала къ землѣ нервная агонія. Они деморализованы долгимъ ожиданіемъ и воспоминаніями о своихъ семьяхъ, и пригвождены къ землѣ страхомъ. Лейтенантъ, запасной офицеръ съ сѣдиной въ бородѣ, смотритъ на пятерыхъ слушниковъ безъ гнѣва. Онъ вынимаетъ не саблю изъ ноженъ, а папиросу изъ портсигара, закуриваетъ ее и говоритъ просто:

— Eh bien!

„Кто можетъ передать интонацію этого „Eh bien?“ Какой актеръ можетъ имитировать это? Въ этомъ „Eh bien“ не было ни удивленія, ни строгости, ни рѣзкаго призыва къ исполненію долга, скорѣе въ немъ была жалость старшаго брата къ слабости младшаго, которую онъ считаетъ лишь временной. О, это „Eh bien!“ Какъ много авторитета и жалости, братской увѣренности и силы воли вложилъ въ него нашъ старшій братъ! Пятеро солдатъ вскочили на ноги... И вы знаете, что мы заняли деревню, отвоевывая каждый домъ. На углу двухъ переулковъ лейтенантъ былъ убитъ, и вотъ почему его „Eh bien!“ будетъ всегда звучать въ моей душѣ какъ благородный призывъ неизвѣстнаго героя. Повидимому, эта война должна оставаться безличной — такова политическая формула нашихъ дней — и называть имена воспрещено. Eh bien? Развѣ я назвалъ кого-нибудь?“

Изъ однообразныхъ повѣствованій о войнѣ въ окопахъ по временамъ появляются рассказы болѣе необыкновенные, чѣмъ

кошмарныя фантазіи Эдгара По, рассказы о людяхъ, зарытыхъ живыми благодаря подкопамъ и минамъ, о людяхъ, разорванныхъ на куски подземнымъ взрывомъ, который оставляетъ одного человѣка въ живыхъ среди разбросанныхъ членовъ его товарищей, такъ что онъ сходить съ ума и хохочетъ надъ ужаснымъ юморомъ смерти. Эти рассказы обнаруживаютъ правду о современной войнѣ, скрытую благодаря ножницамъ цензора. Французскій лейтенантъ рассказываетъ слѣдующую героическую и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасную исторію:

„Мы хотѣли поправить захваченную траншею. Два часовыхъ на сложенной кучѣ мѣшковъ съ пескомъ, которыми заканчивалась она, стояли на стражѣ, такъ что мы могли работать спокойно. Внезапно изъ туннеля, скрытаго отъ насъ возвышеніемъ почвы, посыпался на наши головы цѣлый градъ бомбъ, и прежде чѣмъ мы могли опомниться, десять человѣкъ изъ насъ уже лежали мертвыми и ранеными. Я только что хотѣлъ закричать слова команды, когда камень, взлетѣвшій вверхъ отъ разрыва снаряда, ударилъ меня по головѣ и я упалъ безъ чувствъ. Однако безсознательное состояніе продолжалось только нѣсколько секундъ. Разорвавшимся снарядомъ мнѣ оторвало кисть лѣвой руки, и я пришелъ въ себя благодаря боли. Когда я открылъ глаза и застоналъ, я увидалъ, какъ нѣмцы перепрыгивали черезъ мѣшки съ пескомъ къ намъ въ траншею. Ихъ было человѣкъ двадцать. У нихъ не было ружей, но у каждого изъ нихъ въ рукахъ была плетеная корзина съ бомбами. Я посмотрѣлъ налѣво отъ себя. Всѣ наши уже бѣжали кромѣ тѣхъ, что лежали въ лужахъ крови. А нѣмцы все приближались. Еще нѣсколько мгновеній, и они достигнутъ меня. Въ этотъ моментъ одинъ изъ моихъ солдатъ, раненый въ лобъ и подбородокъ, съ лицомъ, сплошь залитымъ кровью, сѣлъ, схватилъ мѣшокъ съ ручными гранатами и закричалъ:

— Возстаньте, мертвые!

Солдатъ всталъ на колѣна и началъ швырять бомбы въ толпу нѣмцевъ. На его зовъ откликнулись другіе раненые. Двое съ перебитыми ногами схватили ружья и открыли огонь. Герой-лейтенантъ съ лѣвой рукой, висѣвшей какъ плеть, схватилъ правой рукой штыкъ. Когда онъ всталъ на ноги, совершенно придя въ себя, одни изъ нѣмцевъ были ранены, а другіе въ паникѣ старались выбраться изъ траншеи. Однако гигантскій, потный, красный отъ бѣшенства нѣмецкій унтеръ-офицеръ, прислонившись къ мѣшкамъ съ пескомъ, остался на мѣстѣ и выпустилъ двѣ пули изъ своего револьвера. Солдатъ, который первый рѣшился защищать траншею, герой, воскликнувшій: „Возстаньте, мертвые!“ получилъ пулю въ горло и упалъ. Но лейтенантъ, схватившій штыкъ и передвигавшійся ползкомъ отъ трупа до трупа, поднялся съ усиліемъ въ четырехъ футахъ отъ мѣшковъ съ пескомъ, избѣгнувъ двухъ пуль, пущенныхъ въ него, и вонзилъ свой штыкъ въ горло нѣмцу. Позиція была спасена, какъ будто бы мертвые дѣйствительно возстали изъ могилъ.

Какъ я сказалъ, французскій солдатъ удивительно откровенно описываетъ свои чувства и нисколько не стыдится того, что онъ испытывалъ страхъ. Я помню, какъ одинъ молодой драгунскій лейтенантъ рассказывалъ мнѣ объ охватившемъ его ужасѣ, когда непріятельская шрапнель впервые разорвалась надъ его головой:

„Когда снарядъ проносился съ визгомъ надо мной и затѣмъ разрывался, я наклонялъ голову и задавался вопросомъ, этотъ ли покончить со мной или слѣдующій. Шрапнельныя пули летѣли съ пѣніемъ: „Гж! Гж!“ Ахъ, эта отвратительная пѣсня! Но больше всего я боялся ружейныхъ пуль при пѣхотной атакѣ. Я не могъ не смотрѣть по сторонамъ при звукахъ „Зинь! зинь! зинь!“ Было что-то ужасающее и неумолимое въ этомъ, и нельзя было увернуться отъ смерти, которую приносятъ съ собой эти маленькія пули. Это ужасно!“

Однако этотъ офицеръ, у котораго образовался нарывъ на ногѣ послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ въ сѣдлѣ и который дрался каждый день и почти каждую ночь въ теченіе этого времени, былъ угнетенъ мыслью, что онъ долженъ былъ покинуть свой эскадронъ на нѣкоторое время, пока не заживетъ его нога. Самое большее черезъ пять дней онъ долженъ былъ вернуться въ адъ, ненавидя всѣ эти ужасы, страшась воюющихъ снарядовъ и шипящихъ пуль, однако предпочитая умереть за Францію, нежели остаться живымъ и бездѣятельнымъ, когда товарищи сражались за родину.

Я слышалъ описаніе жизни этихъ кавалеристовъ отъ многихъ изъ нихъ въ началѣ войны. Ихъ посылали на развѣдку по шести или восьми человѣкъ вмѣстѣ. Было извѣстно, что непріятель находится по сосѣдству. Необходимо было обнаружить его мѣсто-пребываніе, опредѣлить его силы, уничтожить нѣкоторые изъ его аванпостовъ и затѣмъ отойти назадъ къ своей кавалерійской дивизіи и доставить свѣдѣнія о видѣнномъ. Задача не изъ легкихъ! Часто случалось, что изъ шести человѣкъ только одинъ возвращался къ своимъ, изумляясь своему счастью. Нѣмецкіе развѣдчики вели себя весьма хитро.

Однажды около Бетюна они примѣнили одну изъ своихъ уловокъ, самую любимую. Мой пріятель ѣхалъ съ шестью драгунами по направленію къ деревнѣ, гдѣ видѣли уланы. Французы замѣтили ихъ на поворотѣ дороги. Выпустивъ нѣсколько пуль изъ своихъ карабиновъ, нѣмцы обратились въ бѣгство. Французскіе драгуны помчались въ погоню за ними черезъ поля и затѣмъ около опушки спокойнаго лѣса. Вдругъ въ этомъ самомъ мѣстѣ уланы остановили своихъ лошадей, и изъ лѣса послышался страшный трескъ нѣмецкаго пулемета. Къ счастью, имъ плохо управляли, и мой пріятель съ его шестью драгунами успѣлъ ускакать отъ этой адской машины, которую такъ ловко поставили нѣмцы, чтобы захватить его врасплохъ.

Въ первые дни войны для кавалеріи не было отдыха. Пѣхота

каждый день останавливалась на привалѣ, въ окопахъ также бывалъ иногда отдыхъ, но кавалерія должна была всегда находиться въ движеніи, чтобы задержать наступленіе непріятеля.

Молодой русскій, офицеръ французскихъ драгунъ, говорилъ мнѣ, что, находясь въ бою все время съ начала войны, онъ ни разу не спалъ больше трехъ часовъ въ ночь, а часто и совсѣмъ не спалъ. Нерѣдко онъ проводилъ короткое время сна на свекловичныхъ поляхъ, на которыхъ нѣмецкая шрапнель выискивала жертвы, и по временамъ онъ просыпался, слушая хорошо извѣстную пѣсню смерти, и засыпалъ снова.

Въ четыре часа утра передъ разсвѣтомъ нужно было вставать и сѣдлать лошадей. Было холодно, и люди дрожали какъ въ лихорадкѣ. Имъ давали чашку чернаго кофе и кусокъ хлѣба.

Этотъ русскій, служившій офицеромъ во французскомъ драгунскомъ полку, жилъ раньше въ британскихъ колоніяхъ и, проснувшись, видѣлъ предъ собою какъ бы миражъ британскаго завтрака. Мысль о жареныхъ копченыхъ селедкахъ и о ветчинѣ съ яйцами на моментъ приводила его въ полное уныніе. Черезъ десять минутъ драгуны снова двигались. Отрядъ ихъ былъ посланъ на вѣрную смерть, охранять мостъ около Ветюна, и только когда послѣдній драгунъ былъ убитъ, нѣмцы переѣхали на другую сторону.

Во мракѣ ночи кавалеристы наклонялись надъ шеей лошади, всматриваясь впередъ, прислушиваясь къ звуку стремянъ и бряцанью уздечки. Въ одну ночь до нихъ донесся шопотъ ихъ передового офицера.

— Идутъ! Тише...

Вереница темныхъ фигуръ двигалась имъ навстрѣчу. Драгуны подняли свои карабины. Раздался залпъ, а затѣмъ послышался крикъ:

— Cessez feu! Cessez feu!

Этотъ крикъ драгуны слышали и отъ нѣмецкихъ офицеровъ, говорящихъ прекрасно по-французски, но на этотъ разъ въ немъ не было вѣроломства. Тѣни, двигавшіяся во мракѣ, были французы, продвигавшіеся изъ однихъ окоповъ въ другіе.

14.

Пѣхотному солдату приходилось также туго. Совершенно вѣрно, что теоретически иной разъ онъ могъ урвать нѣсколько часовъ, чтобы выспаться или въ окопахъ, или въ открытомъ полѣ, но въ дѣйствительности ночной холодъ часто заставлялъ его отказываться отъ сна. Вопросъ питанія былъ труднымъ вопросомъ. Когда предстоялъ серьезный бой или быстрое передвиженіе, провизія становилась такой затруднительной проблемой, какъ и сонъ.

Я слышалъ отъ одного пѣхотнаго сержанта живописный рассказъ, который можетъ дать понятіе о томъ, какъ приходилось голодать французскому солдату въ началѣ войны.

Его взводъ, проснувшись однажды утромъ вблизи Армантьера

и испытывая муки голода, увидалъ старую крестьянку съ телѣжкой картофеля.

— Вотъ вамъ на завтракъ, малютки,—сказала она,—смотрите, я привезла также и вязанку хвороста. Если вы разложите костеръ, черезъ двадцать минутъ у васъ будетъ жареная картошка.

— Мадамъ, вы добры безмѣрно,—сказалъ сержантъ. Онъ помогъ разложить костеръ и положить въ золу картофель. Онъ и его товарищи благодарили старуху, когда пріятный запахъ зашекоталъ ихъ обоняніе. И только что картофель былъ почти испеченъ, является на сцену вѣстовой на мотоциклеткѣ съ приказомъ о томъ, чтобы взводъ немедленно передвинулся на пятнадцать километровъ. Это была настоящая трагедія! Со слезами на глазахъ разстались они съ картофелемъ. Пройдя пятнадцать километровъ, они нашли замокъ, гостепріимную владѣлицу его и хорошую кухарку, которая приготовила для нихъ великолѣпное жаркое съ превосходнымъ жаренымъ картофелемъ. И только что хозяйка пришла и сказала „Messieurs, le dîner est servi“^{*)}, къ замку подъѣхалъ задыхавшійся бельгійскій велосипедистъ съ извѣстіемъ, что большія силы нѣмецкой кавалеріи идутъ сюда съ пятьюстами моторовъ, съ пулеметами, многими мотоциклетками и въ дополнение всего, съ батареей конной артиллеріи. Эта была вторая трагедія. Третья трагедія произошла черезъ шестнадцать часовъ, когда взводъ, бывшій почти все это время въ пути, легъ спать на открытомъ полѣ безъ ужина.

Однако, „все пустяки кромѣ дождя“, какъ сказалъ мнѣ одинъ пріятель, французскій артиллеристъ. Онъ пожалъ плечами, когда онъ сказалъ это, и выраженіе отвращенія появилось на его бородатомъ лицѣ. Можетъ быть, онъ думалъ о своихъ возлюбленныхъ пушкахъ, которыя не могли двигаться въ трясиныхъ, покрывавшихъ поля въ дождливое время, но дождь непріятенъ также для людей и лошадей. Французская шинель должна сушиться восемь дней, чтобы быть совершенно сухой, послѣ того какъ она бываетъ на проливномъ дождѣ. Даже плащъ кавалериста плохая защита противъ сильнаго ливня, а сырая солома или лужа въ траншеѣ ночью не представляетъ изъ себя пріятной постели.

— Война,—сказалъ мнѣ одинъ изъ французскихъ офицеровъ,—вовсе не состоитъ въ однихъ сраженіяхъ, какъ, повидимому, склонны думать нѣкоторые. Лишенія, испытываемыя на войнѣ, губительнѣе для здоровья, нежели шрапнель. Вотъ эти-то лишенія, какъ напримѣръ, невозможность смѣнить бѣлье въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, они-то и подрываютъ нравственную энергію гораздо больше, нежели рискъ проститься съ жизнью.

Рискъ смерти принимается легко французами. Правда, почти каждый французскій солдатъ убѣжденъ, что рано или поздно онъ будетъ убитъ. Въ воображеніи онъ часто видитъ себя убитымъ и полонъ жалости къ своей женѣ и дѣтямъ. Однако, это не

*) „Господа, обѣдъ готовъ“.

подрываетъ ни его мужества, ни его веселья, ни его желанія сражаться за Францію, ни его долготерпѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ испытываетъ невзгоды и страданія.

Раненые солдаты, которые идутъ потоками съ поля битвы, невѣроятно терпѣливы. Я видѣлъ какъ раненые въ ногу вставали, чтобы уступить свое мѣсто въ вагонъ женщинамъ съ младенцами. Они помогали своими перевязанными руками вносить корзины бѣженцевъ. Они забываютъ свои раны, вспоминая то, что съ ними произошло, и простой солдатъ описываетъ битву, въ которой онъ участвовалъ съ живымъ краснорѣчіемъ, котораго не хватаетъ британскому Томми, не обладающему даромъ слова.

Въ крови и характерѣ французскаго солдата имѣется что-то такое, что возвышаетъ его въ качествѣ воина и придаетъ ему черты рыцаря. Крестьянинъ, буржуа или патрицій, онъ всегда отличается утонченными манерами джентльмена, и знать его въ походѣ значитъ любить его.

15.

Все же во французской арміи имѣются и такіе люди, какъ и въ нашей, конечно, которые показываютъ, какъ тонокъ тотъ слой, который прячетъ подъ личиной цивилизованнаго человѣка примитивнаго дикаря, для котораго убійство такая же радость, какъ и для дикаго звѣря, охотящагося за своей добычей въ джунгляхъ и въ пустынѣ. Сейчасъ мнѣ приходится на умъ одинъ такой человѣкъ. Онъ находился въ передовыхъ окопахъ возлѣ Альбера и не могъ никогда усидѣть на мѣстѣ. Какъ только становилось темно, онъ вылѣзалъ изъ траншеи и ползъ по болотистымъ лугамъ до глубокой ямы, рядомъ съ нѣмецкими окопами, вырытой „котломъ“. Тутъ онъ прятался и выпускалъ пулю въ каждаго нѣмца, который вылѣзалъ изъ своей норы подъ покровомъ тьмы для того, чтобы перетащить въ свои окопы трупы товарищей или собрать куски дерева и хворостъ для костра. Нѣмцы совершенно не подозрѣвали, что этотъ французъ сидитъ въ ямѣ рядомъ съ ними и внимательно прислушивается ко всякому звуку, который могъ бы выдать ему врага. Каждую ночь, сидя въ своей холодной засадѣ, онъ убивалъ двухъ или трехъ человѣкъ, если ему везло „счастье“. Затѣмъ при разсвѣтѣ онъ ползъ назадъ къ своимъ съ касками, поясомъ или какимъ-нибудь трофеемъ въ качествѣ доказательства своего успѣха. Однажды ночью онъ застрѣлилъ нѣмца, который споткнулся совсѣмъ рядомъ съ его ямой, и какой-то инстинктъ жалости къ жертвѣ охватилъ его, такъ что онъ два лишнихъ раза проползъ по открытому мѣсту для того, чтобы притащить заступъ и зарыть убитаго. Однако, скоро послѣ этого онъ снова началъ свою охоту. У себя въ траншеѣ онъ говорилъ весьма мало и, казалось, всегда ждалъ того часа, когда онъ могъ выползти, подобно краснокожему въ поискахъ за скальпами. Онъ былъ первобытнымъ человѣкомъ, какъ и его предки въ каменномъ вѣкѣ, за исключеніемъ ружья и

знанья искусствъ и красоты современной жизни, такъ какъ онъ не былъ французскимъ канадцемъ изъ дѣвственныхъ лѣсовъ, ни альпійскимъ стрѣлкомъ изъ глухихъ горъ, но хорошо извѣстнымъ адвокатомъ изъ провинціального города, воспитаннымъ и образованнымъ. Этотъ охотникъ за нѣмцами представляетъ интересъ для психолога, но онъ вовсе не является типичнымъ французскимъ солдатомъ, который въ массѣ вовсе не проникнуть жаждой крови и ненавидитъ избіеніе себѣ подобныхъ, за исключеніемъ моментовъ дикаго возбужденія, вызываемаго страхомъ и бѣшенствомъ, когда при крикахъ „En avant!“¹⁾ французы выскакиваютъ изъ окоповъ и бросаются на нѣмцевъ, закалывая ихъ штыками, разбивая имъ головы прикладами, и когда они на нѣсколько минутъ дьявольскаго опьяненія, съ налитыми кровью глазами, чуютъ запахъ крови и находятъ дикую радость въ рѣзнѣ.

— Мы не обращали вниманія на мольбы раненыхъ, на крики о сдачѣ, — говорилъ французскій солдатъ, описывая одну изъ такихъ сценъ. — Намъ не нужны были плѣнные, и въ Аргоннскомъ лѣсу обѣ стороны не давали пощады. Штыкъ въ рукѣ, на подобіе кинжала, былъ лучше штыка, примкнутаго къ ружью. Еще лучше всякаго штыка былъ кусокъ желѣза, сломанное ложе ружья или острый ножъ. Въ рукопашномъ бою не было выстрѣловъ, но только борьба переплетавшихся тѣлъ съ пальцами, впѣпившимися въ горло. Я видѣлъ, какъ люди дѣйствовали зубами и загрызали своего противника на смерть, впиваясь въ его горло. Такова война въ двадцатомъ вѣкѣ или одна изъ сценъ этой войны. Только впослѣдствіи, избѣжавъ смерти, начинаешь содрогаться при мысли обо всемъ томъ ужасѣ, который низвелъ насъ до звѣрей, даже хуже чѣмъ до звѣрей, потому что у насъ есть разумъ и душа, чтобы знать, какъ это отвратительно.

Солдаты Франціи настолько разумны, что большинство ихъ возмущается отвратительнымъ дѣломъ, которое они должны совершать, и проклинаютъ войну, навязанную имъ нѣмцами. Уже болѣе девяти мѣсяцевъ я постоянно слышу, какъ французскіе солдаты задаютъ вопросъ: „Почему Богъ допускаетъ такіе ужасы? Какой толкъ въ цивилизаціи, если она ведетъ къ этому?“ И честное слово, я не въ состояніи отвѣтить имъ.

16.

Какъ популярна во Франціи Марсельеза! Подобно лейтъ-мотиву она проходитъ во всей драмѣ этой войны, воодушевляя французскій народъ, терпѣливо ожидающій побѣды, скрывающій слезы объ убитыхъ, утѣшающій своихъ раненыхъ и калѣкъ и отдающій своихъ юношей и своихъ мужчинъ богу войны. Въ чемъ заключается волшебство этой мелодіи, если при исполненіи ея даже на дешевомъ фортепіано во временномъ госпиталѣ или на пили-

¹⁾ „Впередъ!“

кающей скрипкѣ во дворѣ Парижа, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу? Когда я ѣхалъ изъ Парижа въ Нанси въ ночь на третье августа, мнѣ казалось, что вся Франція пѣла Марсельезу—звуки ея неслись со всѣхъ станцій на моемъ пути—и что съ кладбищъ по темнымъ холмамъ и полямъ, освѣщеннымъ тонкой свѣтлой полосой на далекомъ горизонтѣ встаютъ тѣни убитыхъ солдатъ и поютъ ее тѣмъ, кто идетъ сражаться за свободу Франціи.

Съ тѣхъ поръ Марсельеза постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ. Я слышалъ ее ночью въ Амьенѣ, когда французская армія находилась въ отступленіи, и когда всѣ молодые люди этого города, еще не призванные къ знаменамъ благодаря своей юности, поспѣшно уѣзжали на поѣздѣ, чтобы избѣжать нѣмецкаго плѣна, прежде чѣмъ не взорвутъ желѣзнодорожнаго моста. Молодежь пѣла хоромъ свѣжими, звучными голосами, хотя неподалеку отъ нихъ солдаты Франціи мрачно отступали отъ покинутыхъ позицій:

Entendez-vous, dans les campagnes,
Mugir cés féroces soldats?
Ils viennent jusque dans nos bras.
Egorger nos fils, nos compagnes!
Aux armes, citoyens!
Formez vos bataillons!
Marchons!..

Я прислушивался къ юношескимъ голосамъ, и волшебство этой пѣсни захватило меня. Въ ней звучалъ страстный героизмъ стараго времени, кровавыхъ и дикихъ битвъ революціи и жажда свободы. Ружье де-Лиль написалъ ее однажды ночью въ Страсбургѣ, въ состояніи опьяненія, какъ гласитъ легенда. Но душа его была опьянена не виномъ. Это было опьяненіе 1792 года, когда стремленіе къ свободѣ заставило французовъ какъ бы впасть въ безуміе... Марсельцы пришли въ Парижъ съ пѣніемъ ея. Парижане услышали и подхватили ея слова. Она шествовала съ республиканцами на пути къ побѣдамъ. „Мы дрались одинъ противъ десяти“, писалъ французскій генераль, „но на нашей сторонѣ была Марсельеза“. „Поплите намъ“, писалъ другой генераль, „десять тысячъ людей и одинъ экземпляръ нотъ Марсельезы, и я отвѣчаю за побѣду“.

Больше ста лѣтъ прошло съ того времени, а эта пѣсня не устарѣла и не выдохлась. Въ приказахъ снова и снова читаешь, что „рота шла въ бой съ пѣніемъ Марсельезы. Лейтенантъ Х., захвативъ непріятельскую позицію, палъ въ то время, когда онъ пѣлъ ее“, или что „альпійскіе стрѣлки вскарабкались на вершину горы при пѣніи Марсельезы“.

Ея духомъ проникнуть разсказъ французскаго пѣхотинца, который описываетъ дѣло въ Аргоннахъ, гдѣ его полкъ удерживалъ деревню, подвергнувшуюся ожесточенной непріятельской атакѣ. Яростный бой шелъ на улицахъ, и противники дрались въ рукопашную въ домахъ и даже въ погребяхъ. „Кровь“, пишетъ онъ, „струилась по канавамъ, какъ вода во время дождя“. Нѣмцы

жестоко насаждали на французовъ, и французскіе резервы пришли какъ разъ во время.

„Когда рожки трехъ полковъ возвестили атаку, вдругъ зазвучала Марсельеза. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, при пламени горящихъ домовъ мы могли отчетливо видѣть битву, и никогда мнѣ не придется увидѣть такого фантастическаго зрѣлища, какъ эти тысячи красныхъ ногъ, идущихъ въ атаку тѣсными рядами. Сѣрые ноги стали подаваться (они не любятъ штыка), а Марсельеза продолжала звучать вмѣстѣ съ рожками въ то время, какъ наши пушки изрыгали огонь непрерывно. Наша пѣхота столкнулась съ непріателемъ. Ни одного выстрѣла не слышалось больше, дѣйствовала только холодная сталь... Вдругъ рожки прекратили пѣть атаку. Вмѣсто этого они заиграли призывъ къ знамени. Au drapeau! Наше знамя захвачено! Инстинктивно мы прекратили огонь, какъ пораженные громомъ. Тогда громко и могуче зазвучала Марсельеза, заглушая сигналы рожковъ, настоятельно призывавшихъ къ знамени. Мы увидали сграшную рукопашную битву, борьбу на смерть, при чемъ Марсельеза заглушала всѣ крики и вопли... Вы, воображающіе, что знаете Марсельезу, потому что вы слышали, какъ ее играютъ при раздачѣ наградъ, должны сознаться, что вы ее не знаете. Чтобы знать Марсельезу вы должны слышать ее такъ, какъ слышалъ ее я, когда льется кровь, и знамя Франціи находится въ опасности“.

Для этого солдата невыносима была мысль, что побѣдный гимнъ Франціи распѣваютъ при раздачѣ наградъ или въ кафешантанахъ, пропитанныхъ духами женщинъ. Однако даже въ парижскомъ кафешантанѣ или въ третьеклассномъ кабачкѣ провинціальнаго города эта пѣсть звучала со всей своей волшебной силой. Я слышалъ ее однажды въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она исполнялась весьма посредственно. Въ залѣ находились французскіе роулы, калѣки и выздоравливающіе и, окруженные своими женщинами, они стояли, когда исполнялся національный гимнъ. Они знали, что означаетъ Марсельеза, и ихъ женщины тоже знали это. Нѣкоторые изъ нихъ поблѣднѣли какъ полотно, тогда какъ лица другихъ горѣли пламенемъ. Ихъ глаза были серьезны, и въ нихъ свѣтился странный огонь. Въ то время, какъ я стоялъ въ этомъ залѣ, наполненномъ табачнымъ дымомъ и духами, мнѣ казалось, что я чувствую запахъ крови и пушечнаго пороха и слышу въ музыкѣ Марсельезы хриплые голоса людей въ штыковой атакѣ, вопли раненыхъ и затѣмъ тихій шорохъ на полѣ битвы при восходѣ солнца, освѣщающаго разорванныя и прострѣленные знамена Франціи.

ГЛАВА X.

ЛЮДИ ВЪ ХАКИ.

Когда наша маленькая профессиональная армія высадилась на берегу Франціи, врядъ ли хотя бы одинъ изъ тысячи солдатъ имѣлъ ясное представленіе о томъ, изъ-за чего онъ идетъ драться

съ нѣмцами, и каковъ будетъ характеръ этой войны. Если бы его спросили, изъ-за чего мы воюемъ съ Германіей, солдатъ регулярной арміи почесалъ бы въ затылкѣ и пробормоталъ бы что-нибудь о „проклятыхъ нѣмцахъ“ и о томъ, что нужно помочь „лягушатникамъ“, т.-е. французамъ. О международной политикѣ, міровыхъ вопросахъ, тевтонскомъ честолюбіи, славянской опасности, бѣлыхъ или желтыхъ книгахъ онъ ровно ничего не зналъ и нисколько ими не интересовался. Его долгъ профессиональнаго солдата заключался въ томъ, чтобы драться со всякимъ, съ кѣмъ ему прикажутъ, какого бы цвѣта кожи и какой бы національности не былъ противникъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ казалось, что ему придется воевать въ Ирландіи, и, вообще говоря, онъ былъ радъ, что врагъ, противъ котораго ему дѣйствительно пришлось выступить, говорилъ на иностранномъ языкѣ. Это было болѣе ему по вкусу. Что такое писалъ Блэчфордъ о нѣмцахъ? Онъ не могъ припомнить содержаніе статей редактора „Клэріона“ кромѣ того, что нѣмцы готовились годами для того, чтобы разгромить Англію, хотѣли захватить всѣ наши колоніи и чертовски усиливали свой флотъ. Конечно, наше правительство, какъ и всегда, спало и нисколько не интересовалось этимъ. Такъ поступало всегда британское правительство, насколько онъ могъ припомнить. Какъ бы то ни было, нѣмцы были нашими врагами, а французы—друзьями, что было странно, и британская армія опять шла спасать Европу, согласно съ славными традиціями этой арміи, какъ неоднократно упоминалъ полковникъ. Славное это было время, пока не пришлось разставаться съ женой и ребятишками. Каждый солдатъ былъ героемъ для соотечественниковъ, которые хлопали его по спинѣ и угощали его спиртными напитками. „Привезите намъ нѣмецкихъ касокъ, Джокъ!“ кричали дѣвушки. „И не забудьте вести себя прилично съ этими французженками“.

Интересно будетъ посмотрѣть какъ живутъ на континентѣ. Французы говорятъ на забавномъ языкѣ, но они правильный народъ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ, судя по газетамъ и по тому шофферу, который уѣхалъ во Францію и вернулся оттуда съ такими элегантными манерами. „Послѣ васъ, мосье. Пардоннэй-моа“. Будетъ что поразсказать парнямъ, когда все будетъ покончено. Конечно, дѣло будетъ жаркое, нѣкоторые изъ нашихъ ребятъ совсѣмъ не вернуться—это случается и въ самыхъ образцовыхъ войнахъ—но при небольшомъ счастьѣ нужно ждать пышнаго возвращенья домой съ колокольнымъ звономъ, толпами на улицахъ и съ оркестромъ, играющимъ „Герой побѣдитель приходитъ домой“. Мы выучились кое чему послѣ Южной Африки, и наша армія готова встрѣтиться съ непріателемъ. Нѣмцы должны глядѣть въ оба.

2.

Я думаю, что такъ именно думалъ средній британскій солдатъ, который былъ посланъ во Францію, въ ту невѣдомую страну,

гдѣ онъ долженъ былъ исполнять, что ему прикажутъ. Младшіе изъ солдатъ еще ничего не знали о психологическомъ дѣйствіи орудія огня, и страхъ не касался ихъ воображенія. Старые солдаты, вернувшіеся въ строй изъ запаса, судили о войнѣ примѣнительно къ Южно-Африканской кампаніи или Омдурману и не подозрѣвали, что эта война будетъ гораздо чудовищнѣе предыдущихъ, такъ что Трансваальская кампанія будетъ казаться по сравненію съ ней попросту пикникомъ. Они еще не слышали страшнаго рева нѣмецкой артиллеріи и не видали небеса разверстыми и изливающими смерть.

Британскій офицеръ былъ задумчивъ и озабоченъ, но онъ не дѣлился своими думами съ солдатами. Только въ спокойной бесѣдѣ среди своихъ полковыхъ товарищей онъ говорилъ о тѣхъ предчувствіяхъ, которыя тяготили его душу.

— Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая армія величайшая боевая машина въ Европѣ. Мы можемъ не любить ихъ методовъ, ихъ желѣзную систему и все такое—о, я знаю, что писалъ объ ихъ послѣднихъ маневрахъ сотрудникъ Таймса—но они подготовлялись къ этой войнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ихъ организація совершенно закончена. Ну, а какъ французы? Да, храбрости имъ не занимать стать, и я видѣлъ ихъ артиллеристовъ—прямо-таки удивительные люди—но хватитъ ли у нихъ выдержки? Подготовлены ли они? Какъ относительно ихъ политиковъ? Вообще, мнѣ не нравится положеніе вещей. Мы ввязались въ эту чертовскую войну, должны были ввязаться, это правда,—но если у французовъ дѣла пойдутъ неважно, у насъ не найдется ничего, чѣмъ можно было бы ихъ поправить. Не то, чтобы я былъ пессимистомъ, сохрани меня Боже...

Нѣтъ, эти британскіе офицеры не были пессимистами, когда они прослѣдовали во Францію, и младшіе изъ нихъ, всѣ эти лейтенанты, которые только что вышли изъ военныхъ школъ Сандхерста и Стонихерста и англійскихъ колледжей со всей великолѣпной невозмутимостью ихъ класса и касты, скрывая свои юные годы подъ маской степенности и не выдавая себя ни малѣйшимъ жестомъ или словомъ, отправились на эту войну съ безстрастнымъ и безсознательнымъ героизмомъ. Въ противоположность французскимъ офицерамъ, у которыхъ развиты тѣ черты, благодаря которымъ они радуются поклоненію на улицахъ, при вѣтственныхъ крикамъ толпы, развѣвающимся платкамъ женщинъ и дождю цвѣтовъ съ высокихъ балконовъ, эти англійскіе юноши укладывали свои чемоданы и покидали свои семьи, какъ будто они уѣзжали въ школу послѣ каникулъ, нѣсколько мрачные и серьезные при мысли о предстоящемъ дѣлѣ.

— До свиданья, мама.

Объятая длились нѣсколькими секундами дольше, чѣмъ обыкновенно. Мать крѣпко прижимала къ себѣ сына и блѣднѣла, но ея голосъ звучалъ такъ же ровно, какъ и всегда, и она говорила привычныя слова ласки и совѣта, какъ если бы ея мальчикъ отправлялся на охоту или на игру въ поло.

— До свиданья, милый. Ты будешь остороженъ, не правда ли? Избѣгай излишняго риска.

— Да, мама, Навѣрное, скоро вернусь.

Этимъ въ большинствѣ случаевъ ограничивалось все. Ни рыданій, ни отчаянія, ни пышныхъ словъ о патріотизмѣ и о сладости смерти за родину, объ обязанности поддержать старыя боевыя традиціи. Все это подразумевалось само собой, какъ оно подразумевалось, когда этотъ высокій молодой человѣкъ въ франтовскомъ костюмѣ хаки съ ремнями коричневой кожи былъ лысымъ младенцемъ на кружевной подушкѣ или безпокойнымъ мальчуганомъ въ огромной дѣтской. Слово патріотизма никогда не произносится въ семьяхъ этого класса. Въ нихъ не слышно торжественныхъ разсужденій о долгѣ по отношенію къ родинѣ. Все это признается такимъ же обыденнымъ, какъ хлѣбъ съ масломъ за завтракомъ, какъ хорошія манеры воспитанныхъ людей. Когда у матери родился младенецъ мужескаго пола, она знала, что этотъ первенецъ будетъ солдатомъ. Въ тысячахъ семействъ все еще царитъ такая традиція. Мать знала также, что если появится необходимость для Англіи послать карательную экспедицію противъ какого-нибудь дикаго племени или захватить новый клочекъ земли для Британской имперіи, ея мальчикъ приметъ участіе въ этомъ и будетъ подвергаться риску смерти совершенно такъ же, какъ его отецъ и его дѣдъ въ прежніе дни. Сынъ зналъ это также, хотя ему никогда не говорили объ этомъ. При достиженіи имъ извѣстнаго возраста отъ него ожидалось извѣстное рѣшеніе.

— Я думаю, что ты скоро будешь готовъ для поступленія въ Сандхѣрстъ, Дикъ?

— Да, я надѣюсь, папа!

Такимъ образомъ, когда была объявлена война, молодые люди этого класса, произведенные въ офицеры за шесть мѣсяцевъ до войны, отправились во Францію, какъ большинство людей ежедневно идетъ на свои занятія, безъ энтузіазма, но и безъ страха, совершенно такъ же, какъ клеркъ какого-нибудь лондонскаго банка отправляется на утреннемъ поѣздѣ изъ пригорода въ Сити. Но вѣдь возможно, что ихъ ждала смерть? Да. Очень вѣроятно. Они умрутъ тогда также спокойно. Это былъ вполне естественный конецъ, принимая во вниманіе родъ ихъ службы. Чертовски скверное обстоятельство, конечно, но его не слѣдуетъ принимать въ соображеніе больше, чѣмъ рискъ сломать себѣ шею при скачкѣ съ препятствіями. Для этого риска и былъ рожденъ этотъ молодой человѣкъ. Это была цѣна, которую онъ платилъ за принадлежность къ своей кастѣ.

3.

Въ британской арміи были кой-какія проявленія чувства, невидимыя на поверхности. Въ гостинныхъ многихъ домовъ происходили интимныя драмы. Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ

были въ „растрепанных“ чувствахъ: эта неожиданная война начала разлуку съ женщинами, которыя должны были попасть въ чертовски трудное положеніе, если что-нибудь случится съ извѣстными майорами и капитанами. Любовныя дѣла, отличавшіяся нѣсколько сложнымъ характеромъ, были разрѣшены сразу и просто: „Нужно разстаться, мой другъ... Мнѣ тяжело оборвать наши отношенія, но, можетъ быть, въ концѣ-концовъ это послужитъ къ лучшему для обоихъ насъ. Не правда ли?“ Война давала выходъ для людей, находящихся въ запутанномъ положеніи, съ мучительными долгами и съ глупыми обязательствами, которыхъ нельзя было исполнить. Да, это былъ случай все оборвать и бѣжать. Между новой жизнью и старой не будетъ моста, черезъ который можетъ перейти женщина или неотвязчивый призракъ долга. Война всегда является путемъ спасенія, хотя бы въ концѣ-концовъ пришлось перейти въ мрачную долину смерти.

На лицахъ англійскихъ офицеровъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ этой тайной драмы. Когда они высадились въ Булони, на ихъ лицахъ, которыя были приучены казаться безстрастными, не было замѣтно рѣшительно ничего. Въ Руанѣ, въ Ле-Манѣ, въ Сентъ-Омерѣ и многихъ другихъ французскихъ городахъ я наблюдалъ нашихъ офицеровъ и старался прочесть ихъ характеръ послѣ того, какъ я приучился наблюдать людей другого склада ума среди французовъ. Дѣйствительно, по-своему они были великолѣпны—первые джентльмены въ мірѣ, наиболѣе совершенный типъ аристократа. Ихъ спокойствіе и ихъ холодность сильно поразили меня, благодаря рѣзкому контрасту съ окружающими ихъ французами. Въ первый разъ въ моей жизни я увидалъ моихъ соотечественниковъ какъ бы глазами иностранца и понялъ всю силу нашего національнаго характера. Приятно было наблюдать сильныя фигуры этихъ людей, съ ихъ рѣзко очерченными англійскими лицами и съ ихъ красивыми легкими движеніями, совершенно безсознательными и непринужденными, благодаря тому, что они играли во все игры съ ранняго возраста, такъ что ихъ атлетическое сложеніе было не испорчено преднамѣреннымъ искусственнымъ развитіемъ. Я также отдалъ дань почтенія покрою и удобству ихъ форменной одежды, такой щеголеватой, простой и такой практичной для похода. Только англичане могутъ носить такой костюмъ и казаться хорошо одѣтыми. Въ этихъ французскихъ городахъ я видѣлъ, какъ вліяніе англійской школьной жизни и всехъ нашихъ соціальныхъ традицій рѣзко выдѣляетъ англичанъ среди другого народа съ другими привычками и идеалами. Они были увѣрены, ничѣмъ внѣшнимъ не обнаруживая этого, въ томъ, что они были высшими существами, предназначенными Богомъ или силою судьбы къ тому, чтобы поддержать цивилизацію во всемъ ея величіи. Они были вполнѣ увѣрены въ этомъ, не хвастаясь, не упоминая объ этомъ, а смотря на это какъ на признанный фактъ точно такъ же, какъ они принимали за признанный фактъ, что они должны были отправиться во Францію и умереть, если это имъ суждено. И наблюдая ихъ за столикомъ кафе, въ главной квартирѣ, на

мѣстахъ ихъ стоянокъ, я согласился съ тѣмъ, что въ общемъ они были правы. Несмотря на необыкновенное невѣжество огромнаго большинства ихъ въ искусствѣ и литературѣ, несмотря на понятія, вбитыя въ нихъ стереотипнымъ образомъ ихъ школами и университетами, такъ что можно было въ точности знать ихъ отношеніе къ такимъ вопросамъ, какъ социальная реформа, международное сближеніе, самоуправленіе для Ирландіи, равноправіе женщинъ, т.-е. ко всякой широкой проблемѣ, требующей свободы и отсутствія предвзятости—все же невозможно было не признать, что эти британскіе офицеры обладаютъ высшими качествами, дающими верховенство надъ людьми. Ихъ храбрость не была страстью, вызванной яростью, или религіознымъ пыломъ, или патріотическимъ энтузіазмомъ. Она была самымъ закономъ ихъ жизни, существенной частью ихъ. Они не сознавали своей храбрости, какъ человекъ не сознаетъ того, что онъ дышетъ. Ихъ честь не служила темой для ихъ разговоровъ. Болтать о чести арміи или о чести Англіи было для нихъ то же, что говорить о чести матери. Этого не могло быть. И все-таки, какъ говорилъ Маркъ Антоній, „Они были всѣ честные люди“ и казалось были проникнуты суровой доблестью, которой не могло коснуться искушеніе, доблестью суровыхъ людей, кодексъ которыхъ допускаетъ извѣстные легкіе грѣхи, но не прощаетъ ни предательства, ни трусости. У этихъ молодыхъ людей, пришедшихъ на эту страшную войну, была прекрасная манера держать себя. Было невыразимо пріятно слышать, какъ они говорятъ другъ съ другомъ, говорятъ такъ же вѣжливо, безстрастно и спокойно, какъ это принято въ клубахъ Сентъ-Джемсъ-Стрита. Ни разу, на манеръ французскихъ солдатъ, они не кидались въ горячіе дебаты объ этикѣ войны и философіи жизни или о прогрессѣ цивилизаціи и правахъ демократіи. Никогда они не открывали передъ случайнымъ знакомымъ, какимъ былъ для нихъ я, того, что открывали сотни французскихъ солдатъ, а именно, своихъ сердечныхъ тайнъ о женщинахъ, которыхъ они оставили, о своемъ страхѣ смерти или понятіи о Божествѣ. Даже война, расторгнувшая старые запреты, разбившая вдребезги старыя условности, не могла пошатнуть кодексъ этихъ юныхъ англійскихъ джентльменовъ, первые и послѣдніе уроки которыхъ заключались въ умѣнь не говорить о себѣ и въ умѣнь владѣть собой. Въ Англіи эти черты подразумеваются сами собой и о нихъ едва ли тамъ думаютъ. Только иностранецъ можетъ подмѣтить ихъ въ англичанахъ. Но во Франціи во время войны, въ странѣ трепещущей чувствами, сдержанность манеръ и рѣчи и полнѣйшее игнорированье всѣхъ проблемъ и тайнъ жизни вмѣстѣ со спокойнымъ, бодрымъ отношеніемъ къ страшной войнѣ изумляло англичанъ, которые такъ давно жили за границей, что могли смотрѣть со стороны на этихъ офицеровъ и находить въ нихъ черты характера, которыхъ они раньше въ Англіи не замѣчали. Было что-то величавое въ этихъ простыхъ самоуверенныхъ, нормальныхъ людяхъ, которые не суетились, а повиновались приказаньямъ или давали ихъ съ тѣмъ духомъ дисциплины, который былъ врожденъ ихъ думамъ,

а не был навязанъ извнѣ. И все же нужно сказать, что я могъ понять, почему нѣкоторые изъ французовъ, несмотря на свое восхищеніе ими, приходили иногда въ раздраженіе отъ британскихъ офицеровъ. Были моменты, когда сходство этихъ офицеровъ между собой, однообразіе этихъ смѣшныхъ маленькихъ подстриженныхъ усовъ, интонація голосовъ и манера цѣдить слова, усвоенная въ школахъ, представлялись для французовъ невыносимыми. У англійскихъ офицеровъ были манеры касты и тѣ черты высокомерія и надменности, которыя присущи кастѣ, находящейся въ силѣ. Каждая ихъ мысль была мыслью касты, и они презирали вѣжливымъ образомъ тѣхъ бѣднягъ, у которыхъ были другія мысли, и которые были виновны—не по собственной винѣ, конечно—въ чудовищно скверномъ образѣ мыслей. Быть социалистомъ въ ихъ обществѣ было бы хуже чѣмъ быть пьянымъ. Выразить вѣру въ демократическую свободу, значило бы заставить ихъ внезапно замолчать, какъ будто бы какая-то непристойность выше предѣловъ, позволенныхъ въ офицерскомъ клубѣ, была высказана невоспитаннымъ человѣкомъ.

Ихъ отношеніе къ французскимъ офицерамъ въ началѣ войны было нѣсколько натянутое. Это было вѣжливое, но надменное снисхожденіе. Извѣстное число французскихъ офицеровъ лучшихъ фамилій было назначено въ качествѣ переводчиковъ въ британскую экспедиціонную армію. Между ними были аристократы, чьи имена проходили золотою нитью черезъ страницы французской исторіи. Поэтому понятно, что юный виконтъ де-Шозъ или нѣкій маркизъ де-Машанъ былъ приведенъ въ полнѣйшее замѣшательство, когда къ своему удивленію онъ находилъ, что его знаніе англійскаго языка служить для того, чтобы купить коробку папиросъ для лейтенанта, который не говорилъ по-французски, или чтобы бѣжать по порученіямъ для британскихъ офицеровъ, которые принимали такія услуги, какъ нѣчто должное. Солдаты британской арміи, первыми пришедшіе во Францію, были также нѣсколько неразборчивы по отношенію къ французской щепетильности. Послѣ перваго взрыва энтузіазма и привѣта, который простирался на всякаго, одѣтаго въ хаки, французы стали смотрѣть нѣсколько косо на шотландскіе и англійскіе полки, солдаты которыхъ требовали подарковъ въ магазинахъ и, находясь подъ хмѣлькомъ, обходились не совсѣмъ-то вѣжливо съ приличными и хорошо воспитанными молодыми женщинами. Это было неизбежно. Въ нашей регулярной арміи были подонки многихъ городовъ, такъ же какъ и лучшая кровь нашего крестьянства и нашихъ хорошихъ старыхъ фамилій. Грубые молодцы, призванные изъ запаса изъ Глазго и Ливерпуля, Кардифа и Лаймхауса, не признавали утонченностей младшаго поколѣнія солдатъ, которые предпочитаютъ лимонадъ виски и конфеты крѣпкому табаку. Эти-то молодцы первой экспедиціонной арміи и задали много хлопотъ военной полиціи и въ послѣдствіи очутились подъ желѣзной пятой дисциплины, которая сурова и необходима во время войны.

4.

Эти англичане были героями, но преклонение передъ героями не должно закрывать намъ глаза на истину. Нѣтъ ничего болѣе фальшиваго, какъ воображать, что война очищаетъ людей отъ всѣхъ ихъ недостатковъ и грѣховъ, и что огромная масса людей, собранная подобно англійской арміи изъ всѣхъ классовъ населенія и многихъ городовъ, внезапно превратится подѣ тѣнью смерти въ безпорочныхъ воиновъ безъ страха и упрека, воодушевленныхъ высочайшими идеалами рыцарства. Если бы только послѣ войны появился изъ рядовъ арміи какой-нибудь новый Шекспиръ и далъ намъ бессмертные портреты Фальстафа двадцатаго вѣка вмѣстѣ съ современными Нимомъ, Пистолемъ и Бардольфомъ, что за чудная комедія предстала бы передъ нами среди всей этой трагедіи во Франціи и Фландріи, отгнѣнная собою величавый героизмъ всѣхъ тѣхъ благородныхъ и возвышенныхъ бойцовъ, которые думали какъ рыцари короля Генри при Азинкурѣ, что „чѣмъ меньше борцовъ, тѣмъ больше для нихъ чести“, и дрались за Англію, преданные ей и безразличные къ смерти. Послѣ британскаго отступленія отъ Монса, когда наши регулярныя войска поняли, что такое современная война, убѣдившись на опытѣ, что это не „пикникъ“, а ужасная борьба противъ подавляющаго численностью врага и противъ его адскихъ орудій, во Францію потянулись въ высшей степени удивительные типы людей, призванныхъ заполнить порѣдѣвшіе ряды англичанъ и принять участіе въ смертельной борьбѣ. Территоріальные офицеры, которые служили въ Юманри, старые солдаты, которые когда-то служили въ Индіи, Египтѣ и Южной Африкѣ, до сего времени игравшіе вѣчныя партіи въ шахматы на Сентъ-Джемсъ-стритѣ или распивавшіе чай у сельскихъ пасторовъ и гонявшіе крокетные шары на лужайкахъ; провинціальные учителя, которые могли прочесть наизусть страницу изъ Овидія съ высшей степени отчетливой дикціей; старые господа съ багровыми лицами, которые въ теченіе многихъ лѣтъ искушали Провидѣніе и апоплексію своимъ бѣшеннымъ гнѣвомъ на своихъ лакеевъ, и молодые аристократы, которые въ свое время послужили въ гвардіи, прежде чѣмъ бездѣлничать въ Брайтонѣ съ хористками, всѣ прибывали въ Булонь или въ Гавръ съ каждымъ пароходомъ и изумляли жителей этихъ городовъ своими воинственными манерами. Красный Крестъ былъ отвѣтствененъ за многихъ поразительныхъ представителей британской національности во Франціи, гдѣ появились и другіе кресты—Пурпурный, Зеленый, Синій и Черный. Благоклонные старые джентльмены, наряженные на манеръ подержанныхъ фельдмаршаловъ, ковыляли по набережнымъ и отвѣчали на козырянье пораженныхъ и изумленныхъ французскихъ солдатъ съ кроткой, но важной благоклонностью. Евреи не только жертвовали Красному Кресту свои неисчерпаемыя богатства, но и своихъ богатыхъ молодыхъ людей, которые отдали себя и свои автомобили для этого гуманнаго дѣла, хотя большая часть ихъ

не приближалась къ фронту (не по своей винѣ) дальше, чѣмъ Руанъ или Парижъ, гдѣ они тратили гигантскія суммы денегъ въ лучшихъ отеляхъ и вывозили кататься своихъ знакомыхъ дамъ на великолѣпныхъ санитарныхъ моторахъ. Булонь была переполнена мужчинами и женщинами въ военныхъ мундирахъ неизвѣстнаго образца съ гербами загадочнаго значенія. Даже сыщики Скотландъ-Ярда были приведены въ замѣшательство нѣкоторыми изъ этихъ господъ, паспорта которыхъ были въ порядкѣ, но костюмы которыхъ вызывали глубокое подозрѣніе. Что могли они подѣлать, напримѣръ, съ молодымъ индусомъ, одѣтымъ какъ бой-скаутъ, въ очкахъ съ черепаховой оправой и съ цѣлымъ наборомъ висящихъ мѣшковъ, флаговъ, географическихъ картъ, кухонной утвари и прочихъ матеріаловъ, рассчитанныхъ на пребываніе на необитаемомъ островѣ? Или что могли они сказать дамѣ въ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, съ револьверомъ, заткнутымъ за поясъ, и съ морской шляпой на головѣ, желавшей ухаживать за ранеными въ частномъ госпиталѣ въ Ниццѣ? Цѣлыя отряды рѣдкостныхъ дамъ наводняли чайныя въ Булони и вызывали панику среди горничныхъ. На нихъ были шляпы ковбоевъ и синіе мундиры подъ толстыми синими шинелями, которыя были буквально усыпаны мѣдными пуговицами. На ихъ могучихъ бюстахъ были четыре ряда пуговицъ, и опять-таки рядъ мѣдныхъ пуговицъ на каждой сторонѣ ихъ шинелей, равно какъ на ихъ плечахъ и на спинѣ подъ ременными кушаками. При свѣтѣ фонарей въ чайныхъ, гдѣ онѣ поглощали безчисленную массу пирожныхъ и кэкса, глаза посѣтителя болѣли отъ всего этого блеска сіяющаго металла. На раненаго видъ одной изъ этихъ дамъ долженъ былъ производить ошеломляющее дѣйствіе, какъ будто бы рядомъ съ его кроватью только что разорвался снарядъ и рассыпалъ вокругъ куски стали. Молодые офицеры, только что получившіе приказъ о производствѣ, на которомъ едва высохли чернила, пощипывали свои пробивающіеся усики и говорили, что война настоящій адъ.

Нѣкоторые изъ пожилыхъ офицеровъ, призванные въ войска послѣ многихъ лѣтъ покоя, обрѣли опять духъ юности, какъ только они вступили на почву Франціи, и бросились во всѣ тяжкія, какъ тогда, когда они были младшими лейтенантами среди холмовъ Индіи. Я помню, какъ одинъ изъ этихъ старыхъ джентльменовъ не хотѣлъ итти спать въ Hôtel Tortoni въ Гаврѣ, хотя онъ долженъ былъ выступить въ шесть часовъ слѣдующаго утра съ вѣроятностью быть убитымъ, прежде чѣмъ не пройдетъ недѣля. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ уговорили его уйти въ его комнату, какъ разъ передъ полночью, но онъ опять сошелъ внизъ, проклиная ихъ, и вышелъ на большую молчаливую площадь, призывая во все горло лондонскій таксомоторъ. Мнѣ стало жалко, что такой старый офицеръ со многими орденскими лентами на груди, указывавшими на выдающуюся службу, станетъ блуждать по городу, гдѣ во мракѣ ночи таилось много подозрительныхъ типовъ. Я спросилъ его, не указать ли ему дорогу назадъ къ Hôtel Tortoni. „Сэръ, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ

нужно попасть на площадь Пиккадилли-сиркосъ, и если я услышу отъ васъ еще какую-нибудь дерзость, я сверну вамъ шею". Черезъ нѣсколько минутъ два апаша показались около него, и онъ удалился съ ними въ глухую улицу, говоря по-французски съ большимъ затрудненіемъ и съ ужасающимъ акцентомъ. Это былъ Фальстафъ двадцатаго вѣка, который могъ бы послужить драматургу для созданія смѣхотворнаго типа среди мрачнаго ужаса войны.

5.

Нужно стараться помнить, что армія только собирательное понятіе, и насколько возможно стараться видѣть въ ней совокупность отдѣльныхъ индивидуальностей съ различными темпераментами, идеалами и складомъ ума. У насъ уже слишкомъ много пишется о британской экспедиціонной арміи, какъ будто бы она представляла собою гигантскій живой организмъ, воодушевленный одною мыслью и преслѣдующій одну цѣль. Въ ея рядахъ находился и уличный торговецъ съ его лондонскимъ говоромъ и лондонскимъ остроуміемъ, съ его непривычкой къ тишинѣ и молчанію и съ его чувствомъ одиночества и потерянности вдали отъ сіянія газовыхъ фонарей и хриплыхъ голосовъ толпы лондонскихъ переулковъ, такъ что когда я встрѣтился съ нимъ среди тумана на тянущихся далеко болотистыхъ равнинахъ Фландріи, онъ признался мнѣ, что чувствуетъ себя совсѣмъ скверно. Тутъ же былъ ирландскій крестьянинъ, который слышалъ голосъ феи Банши, предвѣщавшей смерть, и слышалъ другіе загадочные голоса сверхъестественныхъ существъ, шепчущихъ съ той меланхоліей, которая была присуща ему, уроженцу пустынной Коннемары. Рядомъ съ нимъ находился англійскій ремесленникъ, человѣкъ здраваго смысла, великолѣпно знающій свое дѣло, со смѣтливимъ, острымъ умомъ и стальными нервами, а также шотландецъ, уроженецъ равнины, упорный и жесткій, съ грубой рѣчью и дикими боевыми инстинктами. Солдаты, побывавшіе въ бояхъ и знавшіе, какъ вести себя, были какъ бы цементомъ въ полкахъ, составленныхъ изъ новичковъ, первое знакомство которыхъ съ орудійнымъ огнемъ такъ потрясало ихъ души, что нѣкоторые изъ нихъ хныкали и были бѣлы, какъ полотно, отъ страха.

Тѣ, что пришли во Францію съ первой экспедиціонной арміей, встрѣтили ужасы, которыхъ не знали міръ до этихъ поръ, и недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ они должны были твердо держаться противъ бури снарядовъ, которые, казалось, были не дѣломъ рукъ человѣческихъ, а дьявольскимъ ухищреніемъ по своей силѣ и разрушительности. Уничтожались цѣлыя роты, батальоны превращались въ кучки людей, но удѣлѣвшіе должны были снова идти на смерть. Знаменитые въ исторіи Англіи полки терпѣли страшный уронъ въ людяхъ и такъ часто заполнялись новыми бойцами, что старые существовали только по имени, и оставшіеся въ живыхъ офицеры и солдаты почти теря-

лись въ массѣ вновь пришедшихъ. Однако, благодаря какому-то чуду, кроющемуся въ крови британскаго народа, какъ и въ крови каждаго народа, если онъ не выродился совершенно, эти лондонцы и крестьяне, шотландцы и ирландцы, жители центральной Англіи, ея сѣвера и мѣстностей, прилегающихъ къ Лондону, встрѣтили это чудовищное испытаніе стойко и безъ жалобъ. Съ мужественной гордостью, съ упорнымъ и непоколебимымъ презрѣньемъ ко всей этой дьявольской пыткѣ, ненавидя ее, но не избѣгая ея, испытывая страхъ, но отказываясь отдаться малодушію, больные душой отъ крови и всего этого звѣрства, но все же здоровые и умомъ, и тѣломъ, несмотря на то, что ихъ нервы были расшатаны, солдаты британской экспедиціонной арміи во Франціи и во Фландріи, подъ начальствомъ молодыхъ людей, отдававшихъ свою жизнь чудовищному аппетиту смерти съ расточительностью мотовъ, дрались съ сверхчеловѣческой храбростью.

6.

Хотя я и находился по большей части среди бельгійцевъ и французовъ, мнѣ все же представлялось много случаевъ видѣть британскія войска и говорить съ англійскими офицерами и солдатами, только что вернувшимися съ поля сраженія. Я проходилъ по британскимъ госпиталямъ и британскимъ санитарнымъ поѣздамъ, гдѣ тысячи ихъ лежали съ недавно полученными ранами, и я общался съ ними, когда послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣченія они возвращались на фронтъ для того, чтобы опять снова подвергнуться риску смерти. Всегда я испытывалъ родъ какого-то изумленія передъ этими людьми. Послѣ многихъ мѣсяцевъ войны раненные англичане съ вѣншей стороны все еще оставались такими же, какъ и раньше, хотя что то измѣнилось въ ихъ душахъ. Они были попрежнему спокойны, въ совершенствѣ владѣли собой, не обнаруживали своихъ чувствъ. Только благодаря нервнымъ движеніямъ ихъ рукъ, беспокойству, съ которымъ они не могли сидѣть на одномъ мѣстѣ, и внезапному молчанію можно было замѣтить признаки переутомленія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Даже легко раненые солдаты были поразительно жизнерадостны, энергичны и не впадали въ уныніе. Бывали моменты, когда мнѣ приходило на умъ, что мое воображеніе преувеличивало то, что я видѣлъ и слышалъ, и что въ концѣ-концовъ война не такъ ужъ страшна, а попросту походить на опасную охоту на дикаго звѣря. Только когда я проходилъ среди тяжело раненыхъ, я снова убѣждался въ необъятности того ужаса, который испытали эти люди, и къ которому нѣкоторые изъ нихъ возвращались снова. Когда крики бѣдныхъ страдальцевъ раздавались въ моихъ ушахъ, когда однажды я прошелъ мимо офицера, сидѣвшаго на своей кровати и съ безумнымъ хохотомъ смотрѣвшаго на себя въ зеркало, и когда я увидалъ людей съ обѣими ногами, ампутированными до бедеръ, или съ одной ногой, разорванной въ клочья, и другой ногой, уже отпи-

ленной, находившихся среди слѣпыхъ, парализованныхъ и обезображенныхъ до того, что въ нихъ трудно было признать чело-вѣческія существа, тогда я оцѣнилъ храбрость тѣхъ, кто видѣлъ и зналъ все это, но шелъ опять навстрѣчу тому же самому ужасу.

7.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на британскомъ фронтѣ установилось сравнительное спокойствіе послѣ страшныхъ атакъ на наши позиціи у Суассона, Венизеля и Вики-сюръ-Эна и еще болѣе кровопролитныхъ битвъ вокругъ Ипра осенью перваго года войны. Каждый изъ противниковъ устроился на зиму, и истребленіе другъ друга происходило главнымъ образомъ благодаря постоянному артиллерійскому огню, изрѣдка прерываемому штыковыми боями между засѣвшими въ траншеяхъ. Этотъ долгій періодъ мрачныхъ дождливыхъ дней былъ самымъ тяжелымъ испытаніемъ для нашихъ солдатъ, когда угнетеніе духа тяжело чувствовалось ими, и когда при всей ихъ храбрости такіа пышныя слова какъ честь и слава не будили энтузіазма въ ихъ сердцахъ. На „Улицѣ Сточной канавы“ и въ другихъ траншеяхъ, получившихъ такое же краснорѣчивое названіе, между двухъ стѣнъ липкой грязи, гдѣ ноги ихъ покрывались коростой и болячками, они стояли по колѣни въ водѣ до тѣхъ поръ, пока многіе изъ нихъ не были отправлены въ тылъ съ бронхитомъ и пневмоніей, а оставшіеся, напоминая собой вороны пугала, до того они были облѣплены грязью, дрожали отъ холода и сырости, несмотря на всѣ ихъ шарфы и фуфайки. Вши кишѣли на англичанахъ, этихъ джентльменахъ изъ приличныхъ уважаемыхъ семей, на этихъ дэнди, которые когда-то прогуливались по тѣневой сторонѣ Пэль-Меля, чистые и безукоризненные какъ ихъ лавендовые перчатки. Отвратительныя насѣкомыя ѣли ихъ живьемъ и причиняли невыносимые зудъ и страданіе. Неслыханныя и страшныя заболѣванія начались между ними, хотя распространеніе ядовитыхъ микробовъ и было приостановлено бдительными людьми науки въ лабораторіяхъ, находящихся далеко отъ фронта. Впервые люди, чуждые науки, услышали названіе цереброспинальнаго мененгита и содрогнулись. Война превратилась въ безнадежную, нудную процедуру безъ всякихъ впечатлѣній за исключеніемъ случаевъ, когда люди, по колѣна стоявшіе въ водѣ, разрывались на части снарядами и плавали въ кровавой кашѣ, наполнявшей траншею. Это было уродливо, безобразно и не придавало бодрости защитникамъ траншей. Сильныя страсти, если овѣ и пылали когда-нибудь въ сердцахъ этихъ британскихъ солдатъ, сгорѣли и превратились въ бѣлую золу терпѣливаго страданія. Конечно, у нихъ не было никакой ненависти къ врагамъ, находившимся къ нимъ такъ близко. Эти нѣмцы переносили тѣ же мученія. Англичане испытывали къ нимъ только жалость и чувство товарищества какъ къ людямъ, осужденнымъ жестокими богами испытывать тѣ же самыя муки.

Это чувство товарищества достигло удивительных размѣровъ на Рождествѣ. Между врагами заключались перемирія, и тѣ, что занимались убійствомъ другъ друга, выходили изъ своихъ окоповъ и братались со своими противниками. Имѣется много фотографій, гдѣ нѣмцы и англичане стоятъ рядомъ и держатъ другъ друга за руки. Они обмѣнивались папиросами, похлопывали другъ друга по плечу и проклинали войну... Война стала самымъ трагическимъ фарсомъ въ мірѣ. Ужасная безсмыслица ея была очевидна, когда солдаты двухъ народовъ, истребляющихъ другъ друга, стояли рядомъ въ сѣромъ туманѣ и чувствовали только симпатію другъ къ другу. Эти саксы не хотѣли убивать саксовъ: они были той же самой расы и крови, они такъ похожи другъ на друга, съ тѣми же самыми чувствами и взглядами. И тѣ, и другіе находились подъ чарами далекихъ, могучихъ силъ, которыя вызвали эту войну и такъ поработили ихъ, что, подобно гладиаторамъ въ римскихъ циркахъ, они убивали другъ друга для того, чтобы не быть убитыми своими повелителями. Чудовищное безсмысліе войны, этого дьявольскаго фарса было понято этими кучками людей, стоявшихъ рядомъ другъ съ другомъ въ туманахъ Фландріи... Это безсмысліе сдѣлалось настолько очевиднымъ, что потребовались особые приказы по арміи, чтобы предотвратить такого рода перемирія. Приказы эти были изданы, но не всегда исполнялись. Въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ нѣмецкіе и британскіе солдаты въ сосѣднихъ окопахъ все еще держались тайнаго соглашенія: они стрѣляли для виду въ извѣстныя имъ мѣста въ извѣстное время и затѣмъ спокойно расходились, увѣренныя въ своей безопасности и въ томъ, что другая сторона ихъ не обманетъ.

Нѣмецкій офицеръ сигнализировалъ изъ своей траншеи одному нашему лейтенанту:

— У меня въ окопѣ шесть вашихъ солдатъ. Что мнѣ съ ними дѣлать?

Лейтенантъ сигнализировалъ въ отвѣтъ:

— У меня двое вашихъ. Настоящая потѣха!

Англійскій офицеръ обратился къ двумъ нѣмцамъ:

— Послушайте, вы лучше ушли бы отсюда. Иначе я долженъ считать васъ плѣнными.

— Мы хотимъ быть плѣнными, — отвѣчали нѣмцы, которые говорили съ акцентомъ Тоттенхэма-Коуртъ-Роада.

Въ концѣ-концовъ лейтенантъ не захотѣлъ воспользоваться ихъ любезностью и попросилъ ихъ убраться во свояси.

Такимъ то образомъ, только со случайными эпизодами въ родѣ этого, нарушавшими мертвящее однообразіе жизни въ окопахъ и заставлявшими обѣ стороны подумать о загадочныхъ свойствахъ людей, согласившихся избивать себѣ подобныхъ по приказу высшихъ силъ, недоступныхъ ихъ пониманію, эта страшная зима прошла въ одной долгой агоніи холода и страданій.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я занесъ въ эту книгу попросту сцены и типы войны, какъ они проходили у меня передъ глазами и какъ я наблюдалъ ихъ почти въ продолженіе года. Если и имѣется какая-нибудь цѣль, которую я преслѣдовалъ здѣсь кромѣ передачи фактовъ, такъ она состоитъ въ разоблаченіи души войны безъ всякихъ прикрасъ и напыщенныхъ фразъ. Изъ всѣхъ моихъ убѣжденій самымъ сильнымъ является то, что каждый, кто наблюдалъ войну, долженъ, если онъ не лишенъ чувства состраданія и дара передавать свои мысли, посвятить свой умъ и сердце священной обязанности не допускать другой войны, подобной этой. Человѣкъ, владѣющій перомъ, какъ бы слабо оно ни было, долженъ пользоваться имъ для того, чтобы высказать правду объ этомъ чудовищномъ ужасѣ, запечатлѣть его жестокости въ умахъ читателей и сорвать съ него покровы, которыми стараются прикрыть его гнусность вожди народовъ. Совѣсть Европы не должна быть снова убаюкана наркотиками старыхъ фразъ объ „облагораживающемъ вліяніи войны“ и объ ея „очистительномъ огнѣ“. Эта совѣсть должна пробудиться къ подлинной реальности преступленія, въ которое вовлечено все человѣчество, такъ чтобы со стороны всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра раздался крикъ бѣшенства и ужаса въ томъ случаѣ, если духъ милитаризма опять подниметъ свою голову и потребуетъ новыхъ кровавыхъ жертвъ и гибели красоты жизни. Нѣмцы показали міру, что такое война, ея дьявольскую душу въ полномъ ея значеніи съ наиболѣе беспощадной логикой. Вожди ихъ страшной военной касты были честнѣе насъ: зная, что война убійство, они приняли методы убійцы цѣликомъ, со всей силой нѣмецкаго ума и дарованія, не ослабленныхъ какимъ бы то ни было страхомъ общественнаго мнѣнія, какими бы то ни было укорами совѣсти или чувствомъ жалости. Ихъ логика кажется мнѣ непогрѣшимой, хотя она и дьявольскаго свойства. Если позволено бросать миллионы людей другъ на друга, пользуясь такими методами истребленія, которые производятъ массовую бойню, считая окопы, превращая сотни людей въ куски единственнымъ выстрѣломъ огромной пушки, усыивая поля мертвыми и разрушая города такъ, что въ ихъ развалинахъ не остается ничего живого, тогда глупо дѣлать различіе между однимъ родомъ смерти и другимъ или разбирать степени ужаса. Удушающій газъ ничѣмъ не хуже, чѣмъ туча снарядовъ, а если хуже, такъ зато и гораздо дѣйствительнѣе.

Жизнь мирныхъ гражданъ, не сражающихся, ни въ коемъ случаѣ не должна уважаться больше, чѣмъ жизнь людей въ мундирахъ. такъ какъ современная война не представляетъ изъ себя военной игры между небольшими отрядами профессиональных солдатъ, какъ въ старое время, а представляетъ собою борьбу не на жизнь, а на смерть между однимъ народомъ и

другимъ. Блокада непріятельскихъ портовъ, медленное умерщвление голодомъ жителей осажденнаго города, что допускалось военными моралистами старой и сентиментальной школы, не щадить мирныхъ гражданъ. Истощенная и голодная женщина съ младенцемъ на груди не можетъ дать ему молока. Невинные гибнуть тысячами изъ-за ядовитыхъ микробовъ. Такъ къ чему же быть нелогичными и прислушиваться къ фальшивому сентиментализму? Почему не потопить „Лузитанію“ и не усѣять морскія волны трупами дѣтей и старухъ? Вѣдь это только значитъ, что однимъ ужаснымъ случаемъ будетъ больше на войнѣ, которая вся представляетъ собою ужасъ. На такую адскую логику нельзя ничего отвѣтить... Это война, и если милліоны людей выставлены для того, чтобъ убивать другъ друга, задавить промышленность врага, разворять, доводить до голодной смерти и уничтожать его съ тѣмъ, чтобъ его женщины не могли больше родить дѣтей, и чтобъ его дѣти гибли отъ эпидемій, тогда соблюденіе какихъ-то правилъ рыцарства, крупица жалости, ничто иное, какъ глупость и жалкое лицемѣріе со стороны тѣхъ, кто старается убавлять свою совѣсть съ помощью успокоительныхъ капель. Такова, по крайней мѣрѣ, философія нѣмецкихъ повелителей армій, и если согласиться, что война ведется однимъ народомъ противъ другого, эта философія кажется мнѣ здоровой и неоспоримой при всей своей мерзости.

Германія вовлекла въ войну Европу предумышленно и послѣ тщательной подготовки. На совѣсти ея дипломатовъ и высокопоставленныхъ лицъ кровь и преступленіе: они стоятъ передъ міромъ, какъ убійцы, съ обогранными руками, кровавыми глазами и душами, черными, какъ адъ. Въ этой войнѣ мы правы, прибѣгнувъ къ самозащитѣ, и не нуждаемся въ оправданіи. Мы не хотѣли войны и дошли до границъ терпѣнія, чтобъ избѣжать ея. Но если осталась еще какая-нибудь надежда для человѣчества въ будущемъ, мы должны идти въ поискахъ за правдой дальше, чѣмъ цитировать и анализировать Бѣлые и Желтые книги съ дипломатической перепиской. Мы должны спросить себя, искренна ли была вѣра въ идеалы, на которыхъ покоится цивилизація въ Англіи, во Франціи или въ Россіи, этихъ защитникахъ современной цивилизаціи. Сдѣлали ли что-нибудь вожди современной мысли со всѣми своими талантами и знаніемъ для того, чтобъ уничтожить старые предрасудки ненависти и невѣжества между однимъ народомъ и другимъ или чтобы вложить такую силу въ руки народовъ, съ помощью которой они могли оказать сопротивление тиранніи высшихъ кастъ и военныхъ идеаловъ? Развѣ наши политики и наши учителя, за немногими исключеніями, не пользовались всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы воспитывать въ людяхъ мрачныя, старая суевѣрія, которыя таятся въ такихъ словахъ, какъ патріотизмъ и честь, чтобы держать народъ въ слѣпотѣ и не дать ему видѣть сіяющаго свѣта свободы, и чтобы замѣнить ученіе Христа, которое исповѣдуетъ большинство людей евангеліемъ международной зависти, основанной на интересахъ торговли и коммерческой жадности? Военныя касты под-

держивались въ Европѣ благодаря тому, что простымъ людямъ вбивалось въ голову величіе старыхъ традицій. Христіанскія церкви поддерживали эти традиціи и совершенно не сумѣли проповѣдывать слова мира, потому что въ сердцѣ священника находится патриотъ, такъ что каждый народъ вѣрилъ, что полки его ведетъ Богъ. На землѣ не можетъ быть мира до тѣхъ поръ, пока народы не признають своего братства и не откажутся отъ того, чтобъ ихъ вели на международную бойню. Если нѣтъ на это надежды, если, какъ полагають нѣкоторые, война будетъ свирѣпствовать всегда, потому что сама жизнь ни что иное, какъ постоянная война, и каждый человѣкъ живетъ только на счетъ другого, тогда надѣяться нечего, и всѣ идеалы людей, стремящихся къ прогрессу человѣчества, всѣ мечты поэтовъ и жертвы ученыхъ просто бесполезны и нелѣпы, и набожные люди должны молить Бога, чтобы наша планета столкнулась съ какой-нибудь звѣздой, и такимъ образомъ кончилась бы вся эта бессмыслица.

154303

